
Измена
ГЕНЕРАЛА
Тебя оправдали, меня предали
ОЛЕСЯ РУДАНСКАЯ

Олеся Руданская

Измена генерала. Тебя оправдали, меня предали

https://litres.ru/74831772
SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет я ждала мужа из заключения. Продала мамину квартиру, влезла в долги, боролась за каждую возможность доказать его невиновность. И дождалась.

Генерал-майора Константина Ракитина оправдали. Я приехала к суду с его любимым пальто, мечтая наконец увезти мужа домой.

Но в первую ночь на свободе он предпочел постель другой женщины.

— Лена, я изменился. Полина дает мне то, чего ты больше не можешь.

Он потребовал тихого развода. А для журналистов наш двадцатичетырехлетний брак должен был оказаться «давно закончившимся».

Но настоящим ударом стали документы, которые я случайно обнаружила.

Пока я продавала последнее имущество ради его освобождения, муж уже планировал жизнь с любовницей. И именно я оплачивала ее работу!

Теперь оправданный генерал хочет, чтобы я исчезла из его прошлого и не мешала новой карьере.

Только он забыл одну вещь: я умею бороться. Пять лет боролась за него. Теперь впервые буду бороться за себя.

И, возможно, за любовь, которой не придется заслуживать жертвами

Содержание

Глава 1. Чужая ладонь 5
Глава 2. Ключи от пустой квартиры 52
Глава 3. Условия освобождения 114
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Олеся Руданская
Измена генерала. Тебя оправдали, меня предали

Глава 1. Чужая ладонь

Пальто Константина я забрала из химчистки накануне, хотя оно и без того было чистым.

Мне казалось, что за пять лет ткань пропиталась запахом шкафа, старых вещей и нашего прежнего дома. Пальто вернули на тяжелой черной вешалке, в тонком прозрачном чехле. В квитанции стояла сумма, которая еще недавно показалась бы мне пустяковой. Теперь я невольно прикинула, на сколько дней хватило бы этих денег.

Утром я сняла чехол, провела ладонью по плечам пальто и проверила карманы. В левом нашлась старая парковочная карточка. На обороте Константин когда-то написал номер телефона, а рядом поставил две короткие черточки. Я не помнила, кому принадлежал номер, и не стала разбираться. Карточку положила обратно.

Сегодня он мог выйти на свободу.

Эти слова я повторяла себе с вечера, но они не становились понятнее. Пять лет в моем календаре существова-

ли другие даты: заседания, свидания, сроки подачи жалоб, окончания экспертиз, встречи с адвокатами. Я знала расписание электричек до колонии лучше, чем расписание городских автобусов. Могла по памяти перечислить, какие документы требовались для передачи и что нельзя было складывать в одну посылку. А вот представить обычное утро, когда муж проснется рядом и спросит, есть ли кофе, почему-то не получалось.

В съемной квартире было прохладно. Хозяйка обещала разобраться с отоплением, но батарея на кухне едва теплела. Я поставила чайник и надела шерстяные носки поверх тонких колготок.

На спинке стула висело темно-синее платье.

Дарья заставила меня купить его три дня назад. Сначала я отказалась, потом согласилась просто примерить. Дочь стояла возле примерочной с таким видом, словно собиралась защищать дипломную работу.

— Мам, ты же не пойдешь встречать папу в том сером костюме?

— Чем тебе не нравится мой костюм?

— Ничем. Кроме того, что ты в нем похожа на человека, который пришел взыскать задолженность.

Я сказала, что именно этим и занималась последние годы.

Даша не засмеялась.

Тогда я купила платье.

Оно было простым, с длинными рукавами и узким поя-

сом. Ткань приятно ложилась по фигуре, которую я давно перестала разглядывать в зеркале. Дочь настояла еще и на помаде, но здесь я уже проявила твердость: у меня оставалась почти новая, купленная к ее выпускному.

Когда раздался звонок в дверь, я посмотрела на часы. До восьми оставалось десять минут: Даша приехала раньше, чем обещала.

— Ты завтракала? — спросила она вместо приветствия.

В одной руке у нее был бумажный пакет, в другой — телефон. Короткие темные волосы намокли от мелкого дождя, на воротнике куртки блестели капли.

— Чайник поставила.

— Это не считается.

Она прошла на кухню, выложила на стол два круассана, упаковку творога и бананы. Потом открыла холодильник, заглянула внутрь и укоризненно посмотрела на меня.

— Мам, у тебя опять ничего нет.

— Вчера было.

— Вчера я тоже видела этот холодильник.

Даша говорила с той решительностью, которую я в последнее время замечала в ней все чаще. В семнадцать она могла расплакаться из-за замечания преподавателя. В двадцать два научилась самостоятельно разговаривать с заказчиками, добиваться оплаты за работу и спорить с людьми вдвое старше себя. Иногда я жалела, что ей пришлось повзрослеть так быстро. Иногда гордилась этим.

— Садись, — велела она. — Пока ничего не началось, мы хотя бы поедим.

Я послушалась.

Круассан пах маслом и теплым тестом. От первого кусочка меня затошнило, но Даша смотрела так внимательно, что пришлось проглотить еще несколько.

— Ирина звонила? — спросила она.

— Вчера вечером.

— Что сказала?

— То же, что и позавчера. Все возможное сделано. Теперь ждем решения суда.

Даша повертела чашку.

— А если…

Она не договорила.

Мы обе знали, что могло последовать за этим «если». Очередное обжалование, новые месяцы ожидания, поиск денег на дополнительные расходы. А главное — необходимость снова объяснять Константину, что нельзя опускать руки.

Я отодвинула тарелку.

— Не будем раньше времени.

— Я просто хочу понять, что мы будем делать.

— Сегодня послушаем приговор. Потом решим.

Дочь кивнула, но ее не обманул мой спокойный голос.

— Ты вообще спала?

— Немного.

— Сколько?

— Даша.

— Все, молчу.

Она достала телефон, открыла календарь и вдруг усмехнулась.

— У меня на завтра стоит напоминание: забрать у мамы документы для адвоката. Поставила еще месяц назад.

— Не удаляй пока.

Даша подняла глаза.

— Мам…

— После заседания удалишь.

Я не была суеверной. По крайней мере, до ареста мужа не была. Но за последние годы привыкла осторожно относиться к любым надеждам, произнесенным вслух.

Когда мы выходили, я задержалась в прихожей.

На маленькой полке возле зеркала лежали два ключа. Один от квартиры, второй от почтового ящика. Рядом стояла старая кожаная папка, которую я брала на каждое судебное заседание. Внутри находились копии документов, блокнот, ручка и упаковка таблеток от головной боли.

Я открыла папку, проверила содержимое и закрыла.

Даша заметила.

— Ты же знаешь, что Ирина все привезет.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Я не нашла подходящего ответа.

Пять лет я отвечала за то, чтобы ничего не потерялось, не

осталось без подписи, не было отправлено на неверный адрес. Привычка проверять документы стала частью моей жизни, как необходимость закрывать дверь перед уходом.

Я взяла пальто Константина в прозрачном чехле. Оно оказалось тяжелее, чем я ожидала.

У здания суда уже стояли телевизионные машины.

Я узнала их по длинным антеннам, логотипам на дверях и людям с гарнитурами, которые ходили возле входа с бумажными стаканчиками кофе.

За последние месяцы дело Константина снова стало заметным. Когда появились основания для пересмотра, о нем начали писать сначала небольшие издания, потом крупные. Для журналистов это была история генерала, которого могли осудить несправедливо. Для нас — пять лет жизни.

На крыльце кто-то курил под навесом. Возле ограждения разговаривали два мужчины в одинаковых темных куртках. Женщина с микрофоном поправляла прическу, глядя в экран телефона.

Даша остановилась.

— Народу-то сколько.

— Полина предупреждала.

— Она здесь?

Я посмотрела на людей возле входа и не сразу заметила знакомую фигуру.

Полина Светлова разговаривала с оператором. На ней бы-

ло светлое пальто, волосы собраны в низкий гладкий хвост. Она держала планшет, иногда наклонялась к экрану и что-то быстро показывала собеседнику.

Я знала ее почти год.

Точнее, знала по рабочим встречам, звонкам и письмам. Полина занималась информационным сопровождением дела. Когда стало ясно, что новые доказательства могут изменить ситуацию, нам посоветовали обратиться к специалистам, способным объяснить сложную юридическую историю обычным людям.

Я долго сомневалась, стоит ли тратить на это деньги.

Полина на первой встрече спокойно выслушала мои возражения, показала примеры работы и объяснила, что публичность не заменяет судебного разбирательства, но помогает привлечь внимание к обстоятельствам дела.

Говорила она убедительно. Без громких обещаний и дешевого сочувствия.

И работала хорошо.

По крайней мере, так я тогда считала.

Увидев нас, Полина закончила разговор и подошла.

— Елена Викторовна, доброе утро. Дарья, здравствуйте.

— Доброе.

Она посмотрела на пальто в моих руках.

— Для Константина Сергеевича?

— Да. На улице холодно.

— Конечно. Правильно сделали.

Полина улыбнулась. У нее была красивая улыбка, открытая и немного усталая. Под глазами виднелись следы недосыпа.

— Журналистов больше, чем мы ожидали. Но волноваться не нужно, я постараюсь организовать все спокойно. Если будет оправдание, сначала дадим Константину Сергеевичу несколько минут, а потом коротко поговорим с прессой.

Я услышала это «если» и невольно сжала ручки сумки.

— Вы не уверены?

— Елена Викторовна, окончательное решение принимает суд. Но команда защиты настроена очень серьезно.

Она сказала это профессионально, не пытаясь подбодрить меня пустыми обещаниями.

— Вы тоже будете отвечать на вопросы? — спросила Даша.

— Только организационные. Сегодня важен прежде всего ваш отец.

Полина посмотрела на часы.

— Простите, мне нужно проверить звук. Увидимся после заседания.

Она быстро отошла.

Даша проводила ее взглядом.

— Шустрая.

— У нее такая работа.

— Я не в плохом смысле. Просто у меня от нее ощущение, что даже если тут электричество отключат, она через пять

минут найдет запасное.

— Возможно, так и будет.

Мы поднялись по ступенькам.

На входе охрана проверяла документы. Даша долго искала паспорт в сумке, потом уронила на пол связку ключей. Я наклонилась помочь, но мужчина за нами поднял их раньше.

— Хороший день намечается? — спросил он, отдавая ключи.

Я посмотрела на него.

— Очень надеемся.

Он кивнул и отошел.

Незнакомые люди часто говорили нам что-нибудь ободряющее. Некоторые искренне переживали за Константина. Другие просто любили громкие истории.

Раньше меня раздражало чужое любопытство.

Теперь я научилась различать вопросы, на которые стоит отвечать, и те, которые лучше пропускать мимо.

На втором этаже пахло влажными пальто и старой краской. Под подоконником вздулся линолеум, возле двери в зал заседаний стояла скамья, которую кто-то пытался починить металлической пластиной. Я машинально посмотрела на трещину в штукатурке над окном.

Трещина была старая, уже несколько раз закрашенная.

Я всегда замечала подобные вещи.

Даже здесь.

— Лена!

Ирина Вавилова вышла из коридора с толстой папкой под мышкой.

На ней был темно-серый костюм, волосы собраны на затылке. Она выглядела уставшей, но собранной.

Я подошла к ней быстрее, чем собиралась.

— Как он?

Ирина сразу поняла, о ком я спрашивала.

— Волнуется. Спрашивал о вас.

— Он знает, что мы здесь?

— Конечно. Я сказала.

— А что судья?

Она чуть приподняла брови.

— Лена, мы с вами уже проходили этот разговор.

— Знаю.

— Материалы исследованы. Позиция защиты изложена. Обвинение изменило свою позицию с учетом представленных доказательств. Основания для оправдания очень серьезные. Но пока приговор не оглашен, я не стану говорить, что все решено.

Я вздохнула.

— Простите.

— Вам не за что извиняться.

Ирина посмотрела на мое лицо и добавила тише:

— Вы сделали все, что могли. Теперь хотя бы сегодня перестаньте искать, что еще нужно сделать.

Я хотела ответить, что не умею.

Вместо этого спросила:

— Его сразу отпустят?

— Если суд постановит оправдать и освободить из-под стражи, да. Но после заседания еще будут формальности. Не рассчитывайте, что он через минуту окажется на улице.

Я кивнула.

Формальности меня не пугали.

Пять лет я жила среди формальностей. Мне хотелось только одного: чтобы в конце этого дня Константин больше не оказался за запертой дверью.

Когда его ввели в зал, я сначала увидела седину.

На фотографиях, которые мне разрешали получать, ее было меньше. В реальности волосы на висках почти полностью посветлели. Константин похудел, щеки стали резче, на лбу пролегли глубокие складки.

Но походка осталась прежней.

Он шел ровно, не опуская головы. Даже теперь, в простой темной одежде, среди конвоиров и сотрудников суда, в нем угадывался человек, много лет привыкший отдавать распоряжения.

Я невольно поднялась.

Константин нашел меня взглядом.

Он едва заметно кивнул, потом посмотрел на Дашу.

Дочь стояла рядом, прижав ладонь к губам.

У мужа дрогнуло лицо.

Это длилось всего мгновение, но я успела заметить.

Он помнил Дарью семнадцатилетней девочкой, которая плакала после первого свидания и обещала каждый день писать ему сообщения. Сейчас перед ним стояла взрослая девушка. За эти годы она окончила учебу, сменила прическу, устроилась работать и научилась жить без отца.

Константин пропустил почти всю эту перемену.

Я села только после того, как нас попросили занять места.

Судья начал оглашать приговор.

Я не помнила его первых фраз.

Слова складывались в длинные юридические формулировки, часть которых я слышала десятки раз за последние месяцы. Речь шла о документах, экспертизах, показаниях свидетелей, обстоятельствах закупок. О том, почему определенные выводы прежнего расследования не подтвердились.

Я смотрела на судью и пыталась слушать каждое предложение.

Потом взгляд сам собой сместился к Константину.

Он сидел неподвижно, положив ладони на колени.

Я знала эти руки лучше собственных. Когда-то они легко поднимали маленькую Дашу на плечи, ловко чинили поломанную дверцу шкафа, держали меня за талию во время танца на кухне.

За пять лет руки стали тоньше.

На одном пальце виднелся старый шрам. Константин получил его еще в молодости, когда ремонтировал машину у

моего отца. Тогда он приехал знакомиться с родителями и решил помочь, хотя совершенно не разбирался в устройстве старого двигателя.

Отец потом долго рассказывал, как будущий зять порезался, но отказался бросить работу.

Я улыбнулась этому воспоминанию.

И сразу почувствовала себя странно.

Суд решал судьбу моего мужа, а я думала о старом автомобиле, которого давно не существовало.

Наверное, так работала усталость.

Ирина сидела впереди. Иногда делала короткие пометки. Один раз повернулась ко мне и едва заметно кивнула.

Я не решилась истолковать этот жест.

Наконец судья перешел к резолютивной части.

Теперь я слышала каждое слово.

Константина Ракитина оправдали за непричастностью к совершению преступления.

Признали за ним право на реабилитацию.

Постановили немедленно освободить из-под стражи.

Я не заплакала сразу.

Сначала мне показалось, что я неправильно поняла сказанное. Я смотрела на Ирину, ждала какого-то подтверждения, хотя смысл слов был совершенно ясен.

Адвокат повернулась.

Впервые за все время нашего знакомства ее лицо потеряло привычную сдержанность.

Она улыбнулась.

Даша схватила меня за руку так сильно, что ногти впились в кожу.

— Мам, — прошептала она. — Мам, его отпустили.

Я кивнула.

— Слышала.

— Его отпустили!

Дочь уже плакала, не пытаясь скрывать слез.

Я обняла ее. Под пальцами была тонкая ткань куртки, от волос пахло шампунем. Даша, как в детстве, прижалась лбом к моему плечу.

И только тогда поняла, что все закончилось.

По крайней мере, самая страшная часть.

Судья продолжал говорить о порядке обжалования и других юридических обстоятельствах. Кто-то за нашими спинами тихо переговаривался.

Я перестала различать голоса.

Константин повернулся к нам.

Он смотрел на дочь, потом на меня.

На его лице появилось выражение, которого я прежде никогда не видела.

Не радость.

Скорее растерянность человека, которому неожиданно вернули вещь, давно считавшуюся утраченной, и он еще не успел поверить, что теперь имеет право взять ее в руки.

Я протянула ладонь через разделявшее нас пространство.

Конечно, он не мог до нее дотянуться.

Но Константин поднял руку.

На несколько секунд мы так и остались сидеть друг напротив друга.

Потом его увели для оформления необходимых документов.

Ирина подошла к нам.

— Поздравляю.

Я обняла ее, совершенно забыв о том, что она обычно не любила подобных проявлений чувств.

— Спасибо.

— Лена, не надо.

— Надо.

Ирина осторожно погладила меня по спине.

— Не только мне. Вы же знаете.

Я знала.

Были другие адвокаты, эксперты, свидетели. Люди, которые не побоялись изменить показания, когда узнали, что прежние документы оказались недостоверными. Были те, кто помогал деньгами, советом, связями. И те, кто просто вовремя отвечал на звонки.

Но сейчас передо мной стояла Ирина.

И я могла наконец сказать ей то, что слишком долго боялась произнести.

— Вы вернули его домой.

Она слегка отстранилась.

— Домой ему еще предстоит вернуться. А сегодня пусть хотя бы поест нормально и поспит.

Я рассмеялась сквозь слезы.

— Я приготовила.

— Вот и прекрасно.

Мне тогда казалось, что лучше этого дня в нашей жизни уже ничего не будет.

Ожидание после заседания растянулось почти на час.

Мы с Дашей несколько раз выходили в коридор, потом возвращались. Журналисты звонили Полине, Полина — кому-то из своей команды. Ирина разговаривала с сотрудниками суда и отвечала на вопросы других представителей защиты.

В какой-то момент дочь принесла мне воду.

— Выпей.

— Я не хочу.

— Мам, у тебя губы белые.

Я взяла бутылку.

В коридоре становилось душно. Люди подходили, поздравляли, кто-то пытался расспросить меня о дальнейших планах Константина.

— Он продолжит службу?

— Будет добиваться компенсации?

— Вы собираетесь подавать новые иски?

Я не знала ответов.

И не хотела знать.

Мне было совершенно все равно, чем муж займется через месяц, какой будет его общественная деятельность и захочет ли он снова носить форму.

Я думала о том, что сегодня вечером он сможет открыть холодильник, сам выбрать чашку, включить телевизор, пройтись по улице без разрешения.

Я хотела дать ему обычную жизнь.

Никогда прежде обычная жизнь не казалась мне такой драгоценной.

Наконец Ирина махнула нам рукой.

Константин появился в конце коридора.

Уже без сопровождения.

Он остановился, будто не сразу понял, куда нужно идти.

Я шагнула ему навстречу.

Потом еще раз.

Дальше уже не помнила, кто из нас первым ускорил шаг.

Он обнял меня крепко, почти болезненно. Я почувствовала его ребра под курткой и горячее дыхание у виска.

— Ленка, — сказал он.

Никто, кроме него, не называл меня так с двадцати лет.

Я закрыла глаза.

— Костя.

Он прижал меня сильнее.

— Ну все, — прошептал муж. — Все, родная.

Я заплакала.

Не так, как плачут в кино. Без красивых слез и аккуратных движений. Просто уткнулась лицом в его плечо и не могла остановиться.

Константин гладил меня по волосам.

— Тише. Ну что ты…

Я хотела сказать ему, сколько раз представляла эту минуту, как обещала себе не плакать. Я думала, что мы сначала поедем домой, потом позвоним родственникам, а вечером сядем втроем за стол.

Но ничего не сказала.

Мне достаточно было того, что он держал меня в объятиях.

Потом рядом оказалась Даша.

— Пап…

Константин отпустил меня и повернулся к дочери.

Я увидела, как он растерялся.

Будто не сразу понял, можно ли обнимать эту взрослую девушку так же, как маленькую Дашку, которую когда-то носил на руках.

Дочь решила за него.

Она шагнула вперед и обхватила его шею.

— Папа, — повторила она. — Ты дома.

Константин долго стоял, прижимая ее к себе.

Я смотрела на них и думала, что ради этого стоило пережить все.

Даже если бы кто-то тогда предложил мне снова пройти

последние пять лет, только бы увидеть дочь в объятиях освобожденного отца, я, наверное, согласилась бы.

Сейчас мне трудно признаться себе в этом.

Но тогда я действительно так думала.

На улице нас встретили вспышки камер.

За время ожидания людей стало еще больше. Кто-то кричал фамилию Константина, кто-то пытался пробиться ближе.

Муж остановился на верхней ступеньке.

Я заметила, что он слегка щурится от дневного света. После долгого пребывания в закрытых помещениях даже пасмурный день, наверное, казался слишком ярким.

— Костя, пальто, — напомнила я.

Он посмотрел на сверток у меня в руках.

— Ты привезла?

— Конечно. Здесь холодно.

Я расправила воротник и помогла ему надеть пальто.

Оно оказалось немного свободным в плечах.

Когда-то Константин выбирал одежду так тщательно, что мы с Дашей шутили над его любовью к идеально сидящим костюмам. Теперь я увидела, как изменилось его тело за эти годы.

Он тоже заметил.

Посмотрел на рукава и сжал губы.

— Поправишь потом, — сказала я тихо. — Есть хорошее

ателье недалеко от дома.

Он не ответил.

Из толпы вышла Полина.

— Константин Сергеевич, поздравляю.

Она остановилась перед ним и протянула руку.

Константин улыбнулся.

Не той осторожной улыбкой, которую я видела в зале заседаний.

Широко, почти по-мальчишески.

— Полина. Ну вот.

— Я же говорила, что у нас получится.

Он взял ее за руку.

— Спасибо вам.

Она покачала головой.

— Давайте без благодарностей. Сейчас все хотят услышать вас.

Полина быстро взглянула на его пальто, поправила слегка завернувшийся воротник и обратилась ко мне:

— Елена Викторовна, можно я буквально на пять минут его заберу? Сейчас будет короткое общение с прессой, потом вы сможете спокойно уехать.

Я кивнула.

И даже улыбнулась.

Мне было приятно, что она обращалась со мной уважительно. Полина действительно много работала в последние месяцы. Я помнила ее поздние письма, бесконечные согла-

сования текстов, просьбы подтвердить факты и даты.

Константин посмотрел на меня.

— Лена, подожди немного, хорошо?

— Конечно.

Он чуть сжал мое плечо.

— Я быстро.

Я отошла к Даше.

Полина встала рядом с ним, передала микрофон, подсказала, куда смотреть.

Журналисты задавали вопросы один за другим.

Константин отвечал сначала осторожно. Потом увереннее.

Я узнавала его голос.

Так он говорил на официальных мероприятиях, когда я сопровождала его еще до ареста. Низко, спокойно, с привычными паузами. Не торопился, не позволял себя перебивать, умел удерживать внимание нескольких десятков человек.

Пять лет этот голос звучал для меня иначе.

На свиданиях он спрашивал, принесла ли я нужные документы, удалось ли найти нового эксперта, что сказала Ирина.

Иногда уставал настолько, что почти молчал.

А сейчас перед журналистами постепенно возвращался прежний генерал Ракитин.

— Какие у вас планы? — спросил молодой мужчина с диктофоном.

— Прежде всего хочу разобраться с теми вопросами, ко-

торые возникли за время моего отсутствия, — ответил Константин. — И, разумеется, поблагодарить людей, не позволивших этой истории закончиться несправедливостью.

Я ждала, что он повернется к нам.

Не потому, что хотела оказаться в кадре. Мне никогда не нравились публичные выступления.

Просто он всегда так делал.

На награждениях, торжественных вечерах, праздниках воинской части обязательно находил меня взглядом. Иногда кивал, иногда едва заметно улыбался, а после подходил и спрашивал, не слишком ли долго пришлось ждать.

Теперь его взгляд скользнул поверх журналистов.

— Особенно важной была помощь профессиональной команды защиты, — продолжил он. — А в последние месяцы большую работу провели люди, которые помогли сделать обстоятельства моего дела известными обществу.

Полина стояла чуть в стороне.

Один из фотографов попросил ее подойти поближе.

Она покачала головой, но Константин сам протянул руку.

— Идите сюда. Вы тоже имеете к этому отношение.

Полина встала рядом.

Я почувствовала, как Даша слегка толкнула меня локтем.

— Мам, он же про вас тоже скажет.

— Даш, перестань.

— Я серьезно.

Я коснулась ее руки.

— Неважно.

И действительно старалась так думать.

Константину только что вернули свободу. Было бы глупо обижаться из-за того, что он не произнес мое имя перед журналистами.

К тому же он всегда терпеть не мог обсуждать семью на публике.

Я сама много раз просила его не рассказывать посторонним о домашних делах.

Почему сейчас все должно было измениться?

Репортеры продолжали задавать вопросы.

Кто-то спросил, собирается ли он возвращаться на военную службу. Константин ответил, что говорить об этом преждевременно.

Другой журналист поинтересовался, как он пережил годы заключения.

Муж ненадолго замолчал.

Я увидела знакомое движение: он сжал пальцы левой руки и большим пальцем потер костяшку указательного. Так делал всегда, когда вопрос был ему неприятен.

— Это были тяжелые годы, — сказал он. — Но сегодня я предпочел бы говорить о будущем.

Полина незаметно кивнула.

Журналист перешел к следующему вопросу.

И я вдруг поймала себя на странной мысли.

Она понимала его жесты.

Не просто знала, когда нужно дать микрофон или остановить неудобный вопрос. Казалось, она заранее чувствовала, какие слова ему трудно произнести и когда лучше вмешаться.

Я тут же одернула себя.

Разумеется, понимала. Они несколько месяцев готовились к публичному возвращению. Полина была профессионалом.

Даша снова наклонилась ко мне:

— Мам, ты замерзла?

— Немного.

— Пойдем внутрь?

— Нет. Подожду.

Я не хотела уходить, пока Константин стоял на ступеньках.

После выступления к мужу начали подходить знакомые.

Некоторых я не видела с момента ареста.

Полковник Агеев, бывший сослуживец Константина, крепко пожал ему руку. Мужчина в дорогом сером костюме обнял его и долго говорил что-то на ухо. Несколько сотрудников из прежнего управления стояли чуть поодаль.

Пять лет назад многие из этих людей перестали отвечать на мои звонки.

Я давно перестала выяснять почему.

Кто-то боялся, кто-то не верил в невиновность Констан-

тина, кому-то просто оказалось удобнее забыть о человеке, ставшем причиной неприятностей.

Сегодня они улыбались.

Я наблюдала за ними без особой злости: на нее уже не оставалось сил.

Полина подошла ко мне.

— Елена Викторовна, у нас возникла небольшая накладка.

Я насторожилась.

— Что случилось?

— Ничего плохого. Просто представители организации хотят сегодня же встретиться с Константином Сергеевичем. У них уже зарезервирован зал, и журналисты будут ждать комментария. Мы рассчитывали перенести, но люди приехали из других городов.

— Сегодня?

— Да. Простите, я понимаю, что у вас семейные планы.

Я посмотрела на мужа.

Он стоял возле машины и о чем-то разговаривал с седым мужчиной.

— А сколько это займет?

— Думаю, несколько часов. Возможно, дольше. Нам еще нужно обсудить интервью на ближайшие дни.

— Он ведь только освободился.

— Конечно. Мы не будем его перегружать. Но он сам сказал, что хотел бы встретиться с теми, кто помогал.

Мне стало неловко за собственное недовольство.

В конце концов, эти люди действительно приложили усилия к его освобождению. Нельзя было требовать, чтобы Константин немедленно забывал обо всех обязательствах.

— Хорошо, — сказала я. — Я поговорю с ним.

Полина благодарно улыбнулась.

— Спасибо за понимание.

Она отошла.

Я дождалась, пока Константин освободится, и подошла к нему.

— Костя, мне сказали про встречу.

— Да, Лен. Надо появиться.

— Я понимаю. Просто думала, что мы сегодня поедем домой.

Он потер переносицу.

— Я и сам не ожидал, что будет столько людей.

— Может, после встречи? Я приготовила ужин. Даша тоже хотела остаться.

— Не знаю, во сколько освобожусь.

Он говорил спокойно, без раздражения.

Но в его голосе уже появилась знакомая интонация человека, которому приходится объяснять очевидное.

Я много раз слышала ее в прежней жизни.

Когда он задерживался на службе, когда внезапно уезжал в командировку, когда не мог прийти на школьный праздник дочери.

Раньше я привыкла принимать его расписание без возражений.

Сейчас повторила ту же привычную фразу:

— Конечно. Работа.

Константин посмотрел на меня.

— Какая работа? Просто люди помогали. Неудобно сейчас отказаться.

— Я же не спорю.

Он помолчал.

— Лен, ты пойми. Я пять лет сидел там. Сейчас хочется хотя бы немного самому решать, куда идти и с кем встречаться.

Эти слова прозвучали неожиданно резко.

Я растерялась.

— Костя, я разве запрещаю?

— Нет, конечно. Просто…

Он оглянулся на журналистов.

— Давай не будем здесь.

Я почувствовала, как к щекам прилила кровь.

Вокруг действительно были люди. И все же мы стояли достаточно далеко, чтобы никто не слышал разговора.

— Хорошо, — сказала я.

Константин вздохнул.

— Не обижайся. Я просто устал.

— Я понимаю.

Он коснулся моей щеки.

— Сегодня все получилось, Лен. Разве это не главное?

Я взяла его руку.

— Главное.

Он улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб.

Когда-то я любила эти поцелуи. В них было что-то семейное, надежное, привычное. Сейчас мне хотелось, чтобы он просто обнял меня, как час назад в коридоре.

Но Константина уже звали.

— Пап! — Даша подбежала к нам. — Ты куда?

— Нужно на одну встречу, дочка.

— А потом домой?

Он посмотрел на нее с заметным напряжением.

— Постараюсь.

— Я могу тебя забрать.

— Не надо. Меня отвезут.

— Тогда хотя бы позвони.

— Конечно.

Даша обняла его.

Константин на этот раз не растерялся. Прижал дочь к себе, погладил по волосам.

— Как же ты выросла, Дашка.

Она засмеялась, хотя глаза у нее оставались мокрыми.

— Пять лет прошло, пап.

Он ничего не ответил.

Я заметила, что эта простая фраза задела его сильнее всех

вопросов журналистов.

Через несколько минут Константин сел в темный автомобиль вместе с представителем общественной организации.

Полина устроилась рядом с водителем.

Закрыв дверь, она опустила стекло и сказала:

— Елена Викторовна, я напишу, когда будем понимать расписание на вечер.

— Хорошо.

Машина тронулась.

Я стояла с Дашей у края тротуара и смотрела ей вслед.

В руках у меня остался пустой прозрачный чехол от пальто.

— Не расстраивайся, — сказала дочь.

Мы сидели в маленьком кафе недалеко от суда.

Даша настояла, чтобы я съела горячий суп. Сама заказала пасту и теперь без особого аппетита перебирала вилкой кусочки курицы.

— Я не расстраиваюсь.

— Мам, я же вижу.

— Он устал, Даш.

— Я понимаю.

— Представь, сколько людей хотят с ним поговорить. Все эти встречи, журналисты…

— Я все понимаю, — повторила она. — Но можно было хотя бы пообедать с нами.

Я посмотрела на дочь.

Когда она была маленькой, я часто объясняла ей отсутствие отца службой. Он пропускал дни рождения, школьные концерты и поездки за город, а я рассказывала, что у него очень важная работа.

Это была правда.

Но сейчас меня неожиданно неприятно кольнула мысль, что я снова говорю те же слова.

— Он только вышел, — сказала я. — Давай дадим ему немного времени.

Даша опустила глаза.

— Ладно.

Мы помолчали.

За окном проезжали машины, люди обходили лужи. В соседнем доме рабочие меняли оконные рамы. Один стоял на подъемнике и что-то громко объяснял напарнику.

Обычный городской день.

Для остальных.

Я посмотрела на свой телефон.

На экране было три непрочитанных сообщения.

Два поздравления от знакомых, с которыми я редко общалась последние годы, и одно от Ирины.

«Лена, сегодня постарайтесь отдохнуть. Завтра обсудим документы. Поздравляю еще раз».

Я ответила благодарностью.

Даша наблюдала за мной.

— Что ты теперь будешь делать?

— В каком смысле?

— Ну… дальше.

Я пожала плечами.

— Пока не знаю.

— Папа ведь домой вернется?

Я посмотрела на нее.

— Конечно.

— Когда?

— Даша, я правда не знаю. Сегодня, может быть, поздно.

Она подцепила вилкой кусочек пасты.

— Просто странно все.

— Что именно?

— Я столько лет думала, что когда его отпустят, мы сразу поедем куда-нибудь втроем. Даже место выбирала. Помнишь тот домик у озера, где мы были, когда мне двенадцать?

Я помнила.

Деревянный дом, маленькая пристань, комары, вечерние купания и Константин, пытавшийся приготовить рыбу на углях.

Он тогда сжег половину улова, но уверял, что все получилось именно так, как задумывал.

— Помню.

— Я хотела его снова арендовать. Смотрела фотографии весной. Только денег у меня тогда не было.

— У нас будет время, — сказала я.

Даша кивнула.

Но улыбаться не стала.

В квартиру я вернулась около пяти.

На лестничной площадке пахло жареным луком. Соседи сверху снова оставили детский самокат возле перил. Я аккуратно переставила его к стене, чтобы никто не споткнулся.

Открыла дверь.

В прихожей было тихо.

Ни голосов, ни телевизора, ни шагов.

Я почему-то ожидала, что после оправдания Константина квартира станет другой. Не знаю, как именно. Возможно, просто воздух в ней изменится.

Но все оставалось прежним.

Короткий коридор, светлые обои с едва заметным узором, маленькое зеркало. Кухня, в которой с трудом помещался стол на двоих. Шкаф с дверцей, которую приходилось слегка приподнимать, чтобы закрыть.

Я сняла туфли.

Ноги болели.

Поставила сумку на табуретку, повесила пальто и пошла на кухню.

В холодильнике стояла кастрюля с тушеным мясом.

Я приготовила его еще вчера, потому что Константин всегда любил говядину с черносливом. Раньше смеялся, что ни один ресторан не может сделать ее так, как я.

Рядом был салат, а на верхней полке лежал маленький торт.

Я купила его утром за день до заседания, хотя прекрасно понимала, что делать это заранее неразумно.

На коробке было написано «Счастливого дня».

Продавщица предложила заказать надпись с поздравлением, но я отказалась. Не знала, какие слова подойдут для возвращения человека после пяти лет заключения.

Я достала торт, поставила на стол и снова убрала в холодильник.

Потом переоделась в домашние брюки и старую футболку, поставила мясо разогреваться.

На телефоне не было новых сообщений от Константина. Я решила не звонить первой: ему действительно нужно было время.

Возможно, он хотел поговорить с бывшими сослуживцами, решить какие-то дела, узнать, как теперь будет оформляться его статус. Столько вопросов накопилось за эти годы.

Я села на диван и открыла папку с документами.

На первой странице лежала копия одного из последних ходатайств. Я начала читать, но скоро поняла, что смотрю на слова, не воспринимая смысла.

Закрыла папку.

Больше не нужно было искать основания для очередной жалобы.

Эта мысль оказалась непривычной.

В последний год я почти каждый день просыпалась с ощущением, что чего-то не успеваю. Не написала нужному человеку, не проверила очередной документ, не договорилась о встрече.

Сегодня никаких срочных дел не осталось.

Я могла просто сидеть.

И совершенно не представляла, что делать с этой свободой.

Вспомнилась квартира матери.

Двухкомнатная, с высокими потолками, деревянными дверями и узким балконом, на котором мама выращивала герань. Когда-то я обещала себе никогда ее не продавать.

Мы с Константином собирались переехать туда после его ухода со службы, сделать ремонт и жить ближе к центру.

Потом понадобились деньги.

Я долго искала другое решение. Разговаривала с банками, пыталась брать дополнительные заказы, считала, сколько смогу сэкономить на всем остальном.

Но квартира оказалась единственным имуществом, которое можно было относительно быстро продать, не лишив Дарью возможности продолжать учебу.

В день подписания договора я сидела в кабинете нотариуса и думала, что мама обязательно сказала бы: «Леночка, ты все правильно делаешь».

Я очень хотела в это верить.

Константин знал о продаже.

Я написала ему подробное письмо, объяснила, сколько удалось выручить и на что пойдут деньги. Он ответил, что после освобождения мы со всем разберемся.

Я сохранила это письмо, как и все остальные.

Большая коробка с письмами стояла на верхней полке шкафа. Я собиралась когда-нибудь показать их мужу. Возможно, даже вместе перечитать. Мне казалось, что тогда он увидит, сколько всего мы пережили.

Я поднялась с дивана, открыла шкаф и посмотрела на коробку.

Потом закрыла дверцу.

Сегодня не хотелось вспоминать заключение.

Сегодня должен был начаться другой этап нашей жизни.

В половине седьмого Константин позвонил.

Я ответила почти сразу.

— Костя?

— Лен, привет. Как ты там?

Голос у него был уставший.

На заднем плане слышались разговоры и звон посуды.

— Нормально. Ты где?

— На встрече еще. Тут немного затянулось.

— Понятно.

Он помолчал.

— Ты не обиделась, что я уехал?

— Нет.

— Серьезно?

Я посмотрела на накрытый стол.

— Конечно. Просто думала, что мы сегодня вместе поужинаем.

— Я знаю. Извини.

Мне стало легче от этого простого слова.

— Ты голодный? Я приготовила мясо, как ты любишь. Могу оставить в духовке, чтобы не остыло.

— Не надо, Лен. Мы уже поели.

— Хорошо.

— Завтра, наверное, нужно будет встретиться с Ириной. Она говорила про документы.

— Да. Я тоже с ней созвонюсь.

Снова пауза.

— Ты дома одна?

— Даша уехала к себе. Сказала, завтра позвонит.

— Я ей сам наберу.

— Она будет рада.

На заднем плане кто-то громко произнес его имя.

Константин прикрыл трубку, но я все равно услышала его короткий ответ.

Потом он снова обратился ко мне:

— Лен, слушай, я сегодня, наверное, не приеду.

Я не сразу поняла.

— В смысле?

— Мы тут договорились, что я останусь в гостинице. Но-

мер уже забронировали. Завтра с утра несколько важных встреч.

— В гостинице?

— Да.

— Но зачем? У нас же есть квартира.

Константин вздохнул.

— Я знаю, что есть квартира. Просто так удобнее. Мне завтра никуда не придется ехать через весь город.

Я посмотрела на окно.

В отражении виднелась моя фигура в старой футболке.

— Костя, ты же пять лет не был дома.

— Лена, я сейчас действительно очень устал.

— Я не спорю.

— Тогда почему мы снова это обсуждаем?

Я крепче сжала телефон.

Он говорил немного раздраженно, но это можно было объяснить усталостью. После такого дня я и сама едва держалась на ногах.

— Хорошо, — сказала я. — Оставайся. Только позвони завтра, ладно?

— Обязательно.

— Спокойной ночи.

Он не ответил сразу.

Я услышала, как кто-то рядом с ним рассмеялся.

— Спокойной, Лен.

Связь оборвалась.

Я еще некоторое время держала телефон возле уха.

Потом положила его на стол.

В этой ситуации не было ничего ужасного, убеждала я себя. Константин только освободился. У него впереди множество встреч, переговоров, юридических вопросов. Я должна была понимать это лучше других.

Он ведь не отказывался возвращаться домой.

Просто хотел провести первую ночь на свободе в гостинице.

Я произнесла эту мысль про себя несколько раз.

Почему-то легче не становилось.

В восемь вечера мне позвонила соседка по прежнему дому, Нина Павловна.

Мы познакомились много лет назад, когда обе еще водили детей в школу. После ареста Константина она была одной из немногих, кто не прекратил со мной общаться.

— Леночка, поздравляю! — сказала она. — Я только новости посмотрела. Господи, какое счастье!

— Спасибо, Нина Павловна.

— Ну наконец-то! Я прямо расплакалась, когда услышала. А Костя как? Сильно похудел?

— Похудел, конечно.

— Бедный мужчина. Столько лет… Ты теперь его откармливай. У тебя это хорошо получается.

Я невольно посмотрела на кастрюлю.

— Постараюсь.

— А вы сейчас вместе?

— Пока нет. У него встречи.

— Ну понятно. Конечно. Его теперь все поздравлять будут. Передай от меня обязательно.

Мы поговорили еще несколько минут.

Она расспросила про Дашу, здоровье, квартиру, обещала как-нибудь приехать.

Положив трубку, я почувствовала невероятную усталость.

Нина Павловна сказала ровно то, что думали сейчас многие.

Мы снова были семьей.

Снова должны были начать жизнь с того места, на котором она оборвалась пять лет назад.

Я тоже так думала.

Просто почему-то Константин не торопился туда возвращаться.

Я разогрела себе немного мяса, села за стол и съела несколько ложек.

Еда получилась хорошей. Говядина была мягкой, соус густым, чернослив давал именно ту сладость, которую любил муж.

Я вдруг вспомнила, как однажды Константин вернулся из командировки поздно ночью и разбудил меня словами:

— Ленка, если в холодильнике есть твое мясо, я на тебе еще раз женюсь.

Мне тогда было тридцать два.

Я работала над сложным проектом и страшно уставала. У нас подрастала Даша, денег хватало не на все, а муж почти постоянно отсутствовал.

Но даже в самые тяжелые дни у нас оставались такие мелочи.

Шутки, прикосновения, привычные разговоры.

Я скучала не по генеральскому званию, не по большому дому и не по прежним знакомым.

По человеку, который мог зайти на кухню ночью, обнять меня сзади и спросить, почему я опять не сплю.

Я отодвинула тарелку.

За стеной загудела стиральная машина соседей.

Потом все стихло.

Около десяти Даша прислала сообщение.

«Мам, ты не спишь?»

Я ответила, что нет.

Через несколько секунд телефон зазвонил.

— Папа приехал?

— Нет, солнышко.

— Он где?

— В гостинице остался. Завтра у него какие-то встречи.

Даша помолчала.

— В гостинице?

— Да.

— Странно.

— Ничего странного. Ему нужно отдохнуть.

— Отдохнуть можно и дома.

Меня неожиданно рассердили эти слова.

Не потому, что Даша говорила неправду. Просто я весь вечер старалась убедить себя в разумности решения мужа, и дочь несколькими словами разрушала мои объяснения.

— Даш, пожалуйста. У него был тяжелый день.

— У тебя тоже.

Я закрыла глаза.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Просто не понимаю.

— Завтра поговорим.

Дочь вздохнула.

— Ладно. Только ты не сиди до утра.

— Не буду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мы попрощались.

Я положила телефон рядом с диваном, накрылась пледом и включила телевизор.

По одному из каналов показывали вечерние новости.

На экране появилось здание суда.

Я сразу выпрямилась.

Ведущий рассказывал об оправдании генерал-майора Константина Ракитина. Показали кадры из зала заседаний,

затем выход мужа на улицу.

Я увидела себя.

Всего на несколько секунд.

Женщина в темно-синем платье стояла немного в стороне, сжимая в руках прозрачный чехол от пальто. Лицо казалось усталым, волосы растрепались от ветра.

Я даже не узнала себя сразу.

Потом камера перешла на Константина.

Он говорил уверенно, спокойно.

Рядом стояла Полина.

На экране они выглядели очень гармонично: высокий седовласый мужчина в темном пальто и молодая красивая женщина в светлом.

Я почти улыбнулась собственным мыслям.

Глупости.

Полина работала с ним, занималась организацией встреч, знала журналистов.

Конечно, она должна была стоять рядом.

После сюжета я выключила телевизор.

В квартире стало тихо.

Я посмотрела на часы.

Половина одиннадцатого.

Именно в этот момент пришло новое сообщение от Даши.

«Мам, ты это видела?»

Ниже была фотография.

Сначала я решила, что дочь снова прислала кадры из но-

востей.

На снимке Константин сидел за большим столом в ресторане среди незнакомых мне мужчин. В глубине виднелись бокалы и тарелки с закусками под мягким светом настенных светильников.

Рядом с мужем сидела Полина.

Она немного повернулась к нему, что-то говорила.

Константин слушал ее с улыбкой.

Я провела пальцем по экрану, увеличивая фотографию.

Его рука лежала на столе.

Полина накрывала ее своей ладонью.

Не пожимала руку, как во время поздравления.

Просто держала.

Пальцы Константина были слегка согнуты, будто он отвечал на прикосновение.

Я долго рассматривала этот маленький участок фотографии.

Чуть выше виднелась манжета его рубашки.

Белая, с тонкой голубой полоской.

Я помнила эту рубашку. Еще до ареста покупала ему похожие, потому что он любил именно такой рисунок.

Под снимком стояла подпись новостного издания о праздничном ужине в честь оправдания генерала.

Даша прислала следующее сообщение.

«Это просто такой момент поймали?»

Я набрала ответ.

«Наверное».

Посмотрела на слово.

Стерла.

Набрала снова:

«Там много людей. Не придумывай ничего».

Сообщение ушло.

Дочь почти сразу ответила:

«Я и не придумываю. Просто спросила».

Я положила телефон на колени.

В комнате было темно, только из кухни падал слабый свет.

Мне вдруг захотелось позвонить Константину.

Спросить, как прошел ужин, не устал ли он, когда собирается завтра приехать.

И между делом поинтересоваться, кто сидел рядом с ним на фотографии.

Но я представила его усталое, раздраженное лицо, услышала в воображении, как он скажет, что я начинаю устраивать допросы в первый же день после освобождения.

И не позвонила.

Я знала, каким тяжелым испытанием были для него эти пять лет. Видела, как он менялся, как постепенно становился замкнутым, как болезненно реагировал на любые попытки поговорить о пережитом.

Я боялась сделать ему больно.

Поэтому решила подождать.

Наверное, так поступила бы любая женщина, которая пять

лет прожила надеждой вернуть любимого мужа домой.

Я поднялась, пошла на кухню и выключила свет над столом.

Кастрюлю с мясом убрала в холодильник.

Торт оставила на верхней полке.

Завтра Константин обязательно приедет. Мы сядем вместе, спокойно поговорим. Я спрошу о его планах, расскажу, что успела сделать, пока его не было. Покажу документы по квартире, объясню, почему пришлось отказаться от некоторых вещей.

Он поймет.

Мы ведь всегда умели разговаривать.

Я закрыла холодильник.

На дверце остался прикрепленный магнитом старый список покупок. В нем все еще значились продукты, которые любил Константин: черный хлеб, горчица, твердый сыр, зерновой кофе.

Этот листок я написала перед его последней командировкой, незадолго до ареста.

Пять лет назад.

Я сняла его и разгладила пальцами.

Потом почему-то снова прикрепила на место.

В спальне телефон коротко завибрировал.

Я поспешила к нему, уверенная, что муж наконец написал.

Но сообщение было от Полины.

«Елена Викторовна, извините за позднее время. День получился очень насыщенным. Константин Сергеевич уже отдыхает, завтра у нас запланировано несколько встреч. Я обязательно сообщу вам, когда появится свободное окно. Спасибо за понимание».

Я прочитала сообщение дважды, потом еще раз.

Меня удивило словосочетание «свободное окно».

Раньше я сама так говорила, когда пыталась согласовать очередной разговор с адвокатом или поездку к мужу. Тогда все зависело от чужого расписания, разрешений, установленных часов.

Сегодня Константин был свободным человеком.

Ему больше не требовалось разрешение, чтобы увидеть меня.

Но теперь о времени нашей встречи мне сообщала другая женщина.

Я села на край кровати.

Открыла переписку с мужем, посмотрела на время последнего звонка.

Нажала на его имя.

Убрала палец.

И все-таки написала:

«Костя, спокойной ночи. Я очень рада, что ты свободен. Люблю тебя».

Сообщение отправилось.

Я подождала немного, выключила лампу и легла.

Через тонкую стену донесся приглушенный голос соседки. Где-то внизу закрылась подъездная дверь, потом послышались шаги на лестнице.

Я прислушалась к ним.

Шаги прошли мимо нашей квартиры и поднялись выше.

Телефон на тумбочке больше не загорался.

Я лежала в темноте и думала, что за пять лет привыкла засыпать без мужа.

Оказалось, привыкнуть к этому было гораздо проще, когда я точно знала, почему его нет рядом.

Глава 2. Ключи от пустой квартиры

Утром после оправдания Константина я проснулась от звонка будильника, который забыла отключить.

Было без четверти семь. За окном моросил дождь, по подоконнику лениво стучали капли. В соседней комнате никого не было, хотя перед сном я почему-то оставила дверь приоткрытой.

Телефон лежал рядом с подушкой.

Я протянула руку, выключила будильник и открыла переписку с мужем.

Мое вчерашнее сообщение он прочитал в половине первого ночи.

Ответа не было.

Я долго смотрела на две маленькие отметки под словами «Люблю тебя». Потом отложила телефон и встала.

За пять лет заключения Константина я привыкла не ждать быстрых ответов. Наше общение зависело от разрешенных звонков, писем, свиданий и десятка обстоятельств, на которые мы не могли повлиять. Иногда письмо приходило через две недели после отправки. Иногда я узнавала о его самочувствии от адвоката раньше, чем от него самого.

Но теперь все изменилось.

У мужа был телефон. Он мог позвонить, когда хотел, написать несколько слов или просто приехать.

Мне следовало радоваться этой возможности, а я с самого утра проверяла, воспользовался ли он ею.

На кухне пахло вчерашним кофе. Чашку я оставила в раковине, хотя обычно не ложилась спать, пока не уберу посуду. Тушеное мясо так и осталось в холодильнике вместе с салатом, который я готовила к возвращению Константина.

Я открыла дверцу и посмотрела на продукты.

Еды хватило бы на небольшую семью.

Я покупала все, что муж любил раньше: твердый сыр, слабосоленую рыбу, черный хлеб, хорошую колбасу. Даже банку маринованных огурцов отыскала именно той марки, которую он предпочитал.

За последние годы я перестала покупать многие из этих вещей. Не потому, что совсем не могла себе позволить, а потому, что привыкла считать каждую покупку. Когда впереди очередная экспертиза или оплата адвокатских расходов, банка дорогих огурцов кажется совершенно ненужной роскошью.

Вчера я впервые за долгое время не стала смотреть на ценники.

А сегодня стояла возле холодильника и не понимала, зачем мне столько еды.

Я достала сыр, отрезала два ломтика и положила на хлеб.

Есть не хотелось.

Налила чай и села за стол.

На стене висели часы с выцветшим рисунком лаванды.

Они принадлежали хозяйке квартиры и постоянно отставали на пять минут. Я несколько раз собиралась заменить батарейку, потом поняла, что дело не в ней, и перестала обращать внимание.

Теперь их тиканье казалось слишком громким.

В половине восьмого пришло сообщение от Даши.

«Доброе утро. Папа звонил?»

Я написала, что пока нет.

Дочь ответила почти сразу:

«Может, он еще спит».

Я посмотрела на экран и почему-то улыбнулась.

Даже спустя пять лет Дарья все еще находила для отца объяснения быстрее меня.

Наверное, я сама ее этому научила.

До обеда я занималась работой.

Одна из бывших коллег иногда присылала мне небольшие заказы: проверить смету, уточнить объемы работ, подготовить замечания к технической документации. Платили за них не особенно много, но деньги поступали регулярно, а главное, мне не приходилось объяснять заказчикам, почему последние годы я почти исчезла из профессии.

На столе лежали чертежи старого административного здания.

Я открыла ноутбук, надела очки и попыталась сосредоточиться на ведомости отделочных работ. В строке с площа-

дью штукатурки обнаружилась ошибка. Я пересчитала объем, внесла исправление и начала проверять следующую позицию.

Через двадцать минут поймала себя на том, что уже третий раз открываю телефон.

Константин не звонил.

Я положила аппарат экраном вниз.

Потом перевернула обратно.

В одиннадцать пришло сообщение от Полины.

Она сообщала, что сегодня у Константина запланированы встречи с адвокатами и представителями общественной организации, а на завтра обсуждается несколько интервью.

В конце стояло: «По семейным вопросам лучше связываться непосредственно с Константином Сергеевичем, когда он освободится».

Я перечитала последнюю фразу.

По семейным вопросам.

Полина, вероятно, хотела быть вежливой и не вмешиваться в наши отношения. Но меня покоробило само определение.

Пять лет все вопросы, связанные с Константином, были моими.

Я знала, какие лекарства ему требовались, какие продукты можно передавать, когда заканчивался срок действия очередной доверенности, с кем из сотрудников защиты нужно связаться. Я помнила размеры его одежды, номера докумен-

тов, даты заседаний.

А теперь получала от чужой женщины сообщение, будто звонила в приемную учреждения и пыталась записаться к руководителю.

Я открыла переписку с мужем.

Написала:

«Доброе утро, Костя. Как ты себя чувствуешь? Когда сможешь приехать?»

Отправила.

Минут через сорок он ответил.

«Привет, Лен. Все нормально. Сегодня много дел. Завтра заеду, поговорим».

Я обрадовалась настолько, что даже не сразу заметила последнее слово.

Поговорим.

Не «увидимся», не «обниму», не «соскучился».

Поговорим.

Я решила, что муж просто не умеет выражать чувства в сообщениях. Он и раньше писал коротко. Даже когда мы жили вместе, мог отправить мне из командировки сухое «добрался, все хорошо», а потом при встрече так обнять, что я забывала о его сдержанности.

Я спросила, во сколько его ждать.

Ответ пришел ближе к обеду.

«К двенадцати постараюсь».

Я почувствовала облегчение.

Завтра.

Наконец-то он приедет домой.

После обеда я отправилась в магазин.

Покупать почти ничего не требовалось, но оставаться в квартире было трудно. Мне хотелось пройтись, подышать воздухом, занять руки чем-то обычным.

У входа в супермаркет стояла пожилая женщина с маленькой белой собакой. Собака упорно тянула поводок к автоматическим дверям, а хозяйка объясняла ей, что внутрь нельзя.

Я остановилась, пропуская их, и неожиданно вспомнила нашего пса.

Ральфа мы взяли, когда Дарье исполнилось десять. Огромный черный лабрадор прожил с нами почти одиннадцать лет. Он умер уже после ареста Константина.

Муж очень любил его.

Я долго не решалась сообщить ему о смерти собаки. Думала, подождать ли до следующего свидания, но потом написала письмо.

Константин ответил коротко: «Жаль. Хороший был пес».

Тогда я обиделась. Мне хотелось, чтобы он вспомнил, как Ральф спал возле его кресла, как приносил тапочки, как однажды украл с праздничного стола целую курицу.

Позднее я поняла, что в заключении человек, наверное, иначе воспринимает потери, происходящие за пределами его собственной жизни.

Теперь Константин вернулся.

А Ральфа не было.

Не было прежней квартиры, машины, многих знакомых. Дарья выросла, я постарела, город успел измениться.

Я остановилась возле полки с кофе и вдруг подумала, насколько чужим может показаться мужу мир, в который он вернулся.

Наверное, я слишком многого ждала от него в первые дни.

Взяла упаковку зернового кофе, хотя дома оставалась почти полная банка.

Потом купила свежий хлеб и сливочное масло.

Возле кассы увидела маленький набор для бритья. Обычный, недорогой. Я положила его в корзину, вспомнив, что старую бритву Константина давно выбросила.

Дома достала покупки и начала приводить квартиру в порядок.

Сначала вымыла кухонные шкафчики, потом протерла подоконники, сменила постельное белье. Старое покрывало убрала в шкаф. Достала комплект, который берегла для гостей, и аккуратно расправила простыню.

В ванной поставила новую зубную щетку рядом со своей.

Посмотрела на две щетки в стакане.

Мне стало смешно.

Пятьдесят три года человеку, а я готовлюсь к его возвращению так, словно он молодой муж, впервые приехавший после долгой командировки.

Но разве это было плохо?

Я прожила с Константином почти четверть века.

И хотела, чтобы он почувствовал себя дома.

К вечеру квартира выглядела так, будто я собиралась принимать важных гостей.

Я даже сняла с холодильника старый список покупок и переписала его заново.

Даша позвонила около девяти.

— Мам, завтра папа приедет?

— Обещал к двенадцати.

— Я тоже подъеду.

Я помолчала.

Мне хотелось увидеть нас втроем за одним столом. Хотелось, чтобы Константин разговаривал с дочерью, расспрашивал о работе, смеялся над ее шутками.

Но что-то в его сообщении заставляло меня осторожничать.

— Даш, давай сначала я с ним поговорю.

— О чем?

— Обо всем. У него наверняка много вопросов.

— Я тоже хочу с ним поговорить.

— Конечно. Просто дай нам немного времени.

Дочь раздраженно выдохнула.

— Мне двадцать два, мам. Не надо говорить со мной так, будто я маленькая.

— Я и не говорю.

— Вы оба почему-то решили, что должны меня от чего-то защищать.

Я растерялась.

— Что ты имеешь в виду?

— Папа тоже сказал, что пока занят и мы встретимся позже. Я предложила поужинать вместе, а он ответил, что нужно разобраться с делами.

Я села на край дивана.

— Он тебе звонил?

— Сегодня днем.

— И как разговаривал?

— Нормально. Спросил про работу, про квартиру. Обещал потом приехать ко мне.

— Ну вот.

— Только все равно странно.

Я не нашла слов.

Даша продолжила:

— Мам, я ведь не требую, чтобы он сейчас же бросил все и приехал. Просто пять лет думала, как мы будем вместе отмечать его возвращение. А теперь получается, что он свободен, но нам опять надо записываться к нему на встречу.

Я невольно посмотрела в сторону ванной, где стояли две зубные щетки.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что это несправедливо. Он действительно многое пережил.

Дочь несколько секунд молчала.

Потом тихо спросила:

— А ты, мам?

Я не сразу ответила.

— Что я?

— Ты ничего не пережила?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что я рассердилась.

— Даша, не надо сравнивать. Я была на свободе, работала, жила обычной жизнью.

— Обычной?

— Ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю.

Голос у нее стал холоднее.

— Тогда завтра позвони, как поговорите. Я не буду мешать.

Связь оборвалась.

Я осталась сидеть с телефоном в руке.

Мне хотелось перезвонить, извиниться и объяснить, что она неправильно меня поняла.

Но я не могла подобрать объяснение.

Даша сказала то, о чем я сама старалась не думать.

За пять лет я привыкла ставить переживания мужа выше собственных. Это казалось естественным: он находился в за-

ключении, я оставалась на свободе.

У меня была возможность ходить на работу, покупать продукты, разговаривать с дочерью, гулять по городу.

Как можно сравнивать наши трудности?

Только теперь Константин вернулся.

А я почему-то продолжала жить так, будто мое право на обычные желания нужно каждый раз обосновывать.

Я встала, выключила свет на кухне и пошла спать.

Завтра все должно было измениться.

Константин приехал в двенадцать двадцать.

За двадцать минут до этого я уже успела разогреть обед, снова убрать его в духовку и трижды поправить волосы.

Когда раздался звонок в дверь, сердце забилось так сильно, что я невольно прижала ладонь к груди.

Открыла.

Муж стоял на площадке с небольшой дорожной сумкой.

На нем были темные брюки, светлая рубашка и то самое пальто, которое я привезла в суд. Волосы аккуратно подстрижены, лицо выбрито. За два дня он словно немного помолодел.

Или просто выспался.

— Привет, Лен.

— Костя.

Я шагнула вперед и обняла его.

Он ответил на объятие, но быстро отстранился.

— Можно войти?

— Конечно. Господи, что я тебя на пороге держу…

Я посторонилась.

Константин переступил порог и остановился в прихожей.

Сначала посмотрел на зеркало, потом на полку для обуви, на узкий шкаф возле стены.

— Здесь ты теперь живешь?

— Да.

Он оглянулся.

— Небольшая квартира.

— Нам с Дашей хватало.

— Она с тобой жила?

— Первое время. Потом сняла свою. Я тебе рассказывала.

— Помню.

Но по выражению его лица я поняла, что он почти не представлял себе эту квартиру.

Я много раз описывала ее в письмах, жаловалась на слабое отопление, рассказывала о соседях. Константин выслушивал, иногда советовал вызвать мастера или поговорить с хозяйкой.

Но видеть квартиру и представлять ее по рассказам оказалось совсем не одно и то же.

Он снял пальто.

Я потянулась взять его, однако муж сам повесил вещь на свободный крючок.

Потом поставил сумку возле шкафа.

— Можно руки помыть?

— Конечно. Ванная прямо по коридору.

Он ушел.

Я осталась в прихожей и почему-то смотрела на его сумку.

Небольшую, черную, дорогую на вид.

Ее раньше не было.

Я не знала, где муж успел купить вещи, когда успел подстричься и кто помогал ему устраиваться в гостинице.

Мне хотелось расспросить обо всем сразу.

Но я решила не торопиться.

Из ванной послышался шум воды.

Я пошла на кухню, достала тарелки.

Когда Константин вошел, я уже накладывала ему мясо с картофельным пюре.

— Садись. Я приготовила твое любимое.

Он посмотрел на стол.

— Лен, я не очень голоден.

— Хотя бы немного. Ты ведь всегда любил это мясо.

— Я пообедал перед дорогой.

Я остановилась с ложкой в руке.

— Уже?

— Да. Там встреча была, задержались, потом поели.

— Понятно.

Я поставила тарелку.

— Может, тогда чай?

— Чай можно.

Он сел у окна.

Кухонный стол был слишком маленьким. Когда Константин вытянул ноги, его колено уперлось в нижнюю перекладину.

Он слегка поморщился, передвинул стул.

— Тесновато.

— Есть немного.

Я налила чай.

Константин взял чашку, сделал глоток и посмотрел на меня.

— Ты как сама?

Вопрос был простой, почти будничный.

Но за последние два дня я так часто представляла наш первый разговор, что вдруг не смогла ответить.

— Нормально.

Он кивнул.

— Даша говорила, ты продолжаешь работать.

— Да. Беру небольшие заказы. Проверяю документацию, сметы иногда.

— А постоянной работы нет?

— Пока нет.

— Почему?

Я удивилась.

— Костя, ты же знаешь.

Он отвел взгляд.

— Я понимаю, что времени было мало. Просто думал, мо-

жет, удалось куда-нибудь устроиться.

Мне захотелось напомнить, сколько раз я рассказывала ему о попытках вернуться в профессию.

О том, что отказывалась от поездок, потому что нужно было приезжать на свидания. О сорвавшемся контракте, когда потребовалось срочно искать эксперта. О работе по ночам после встреч с адвокатами.

Но я промолчала.

Он только вернулся.

Возможно, действительно забыл какие-то подробности.

— Сейчас хочу заняться этим серьезнее, — сказала я. — Когда все закончилось, можно подумать о постоянной работе.

Константин медленно повернул чашку за ручку.

— Правильно.

Мы помолчали.

Я смотрела на его лицо.

Раньше за семейным столом он всегда сидел немного боком, чтобы видеть одновременно меня и окно. Даже когда мы ужинали поздно вечером, Константин любил наблюдать, что происходит на улице.

Сейчас он сидел точно так же.

И все-таки что-то изменилось.

Я не могла понять, что именно.

Возможно, дело было в том, что за пять лет мы отвыкли друг от друга.

Я надеялась, что привычная близость постепенно вернется.

— Знаешь, — начала я, — я думала, может, нам стоит на какое-то время уехать. Не сейчас, конечно. Чуть позже. Даша вспоминала тот домик у озера. Помнишь?

Константин поставил чашку.

— Лен, подожди с поездками.

— Я же не предлагаю завтра.

— Мне сейчас вообще трудно что-то планировать.

— Хорошо.

Он провел ладонью по лицу.

— Столько всего навалилось. Документы, встречи, люди. Я только успеваю отвечать на звонки.

— Тогда давай хотя бы дома отдохнем.

Константин посмотрел на меня.

Я улыбнулась.

— Я даже постель поменяла. Купила тебе новую щетку, бритву. Твои старые вещи в шкафу, но они, наверное, уже не подойдут. Поедем потом вместе, выберем что-нибудь.

Он ничего не сказал.

Я продолжила, потому что тишина стала неприятной:

— Шкаф небольшой, конечно, но я освобожу полки. Пока вещи можно в сумке оставить. А потом решим с квартирой. Я уже смотрела варианты, есть недалеко от Даши…

— Лена.

Я замолчала.

Константин сидел неподвижно.

— Не надо пока ничего освобождать.

Я не сразу поняла.

— Почему?

Он посмотрел на окно.

— Я не собираюсь сюда переезжать.

Ложка, которую я держала, тихо ударилась о край тарелки.

— В каком смысле?

— Я пока останусь в гостинице. Потом найду себе жилье.

— Зачем?

Константин поморщился.

— Мы уже обсуждали, что мне нужно время.

— Костя, время на что?

Он не ответил.

Я почувствовала, как к лицу приливает кровь.

— Если тебе не нравится квартира, я понимаю. Она маленькая, старая. Но это временно. Мы ведь собирались потом найти что-нибудь…

— Дело не в квартире.

Я внимательно посмотрела на мужа.

Он сидел напротив меня. Родной человек, с которым я прожила двадцать четыре года. Человек, ради которого еще вчера была готова сделать что угодно.

И я вдруг испугалась того, что он собирался сказать.

— Тогда в чем?

Константин опустил глаза на свои руки.

— Нам нужно поговорить.

Я вспомнила его сообщение.

«Завтра заеду, поговорим».

Вчера я убеждала себя, что он просто неудачно выбрал слово.

Теперь поняла, что слово было выбрано совершенно точно.

— Лена, — начал Константин, — я хочу, чтобы ты сначала меня выслушала.

Я медленно села.

— Говори.

Он откинулся на спинку стула, но та оказалась слишком низкой, и он снова выпрямился.

Мне почему-то запомнилось это движение.

Человек, привыкший занимать любое пространство уверенно, здесь никак не мог устроиться удобно.

— Пять лет многое изменили, — сказал он.

Я кивнула.

— Конечно.

— Ты даже не представляешь, насколько.

— Возможно. Но я старалась понять.

— Знаю.

Он потер переносицу.

— Просто там все иначе. Когда живешь в таком положении, начинаешь пересматривать очень многое. Людей, отно-

шения, собственные решения.

— Я понимаю.

— Нет, Лен. Ты не понимаешь.

Он произнес это не сердито, скорее устало.

Но мне стало обидно.

— Может, ты тогда объяснишь?

Константин посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я не хочу возвращаться к прежней жизни.

Я попыталась улыбнуться.

— И не надо. Зачем нам прежняя? Можно начать другую.

Он покачал головой.

— Ты опять не о том.

— А о чем, Костя?

Он замолчал.

За стеной заработала дрель.

Соседи делали ремонт уже третий месяц. Раньше шум меня раздражал, но сейчас я почти обрадовалась ему. Пока кто-то сверлил бетон, можно было отложить разговор на несколько секунд.

Константин дождался, когда звук стихнет.

— У меня появились чувства к другому человеку.

Я услышала каждое слово.

Но смысл складывался медленно, будто он говорил на языке, который я когда-то знала и успела забыть.

— Что?

Муж опустил глаза.

— Я познакомился с женщиной.

Я смотрела на него.

— С какой женщиной?

Он не ответил сразу.

И мне вдруг стало совершенно ясно.

Вспомнилась фотография из ресторана. Его рука на столе. Чужая ладонь поверх нее.

— С Полиной? — спросила я.

Константин вздрогнул едва заметно.

— Да.

Я не произнесла ни слова.

Он продолжил:

— Это не было запланировано. Все произошло постепенно. Мы много разговаривали, она помогала с подготовкой материалов, поддерживала меня.

Я смотрела на его губы.

Они двигались, произносили знакомые слова. Я видела маленькую складку у рта, выбритый подбородок, тонкий шрам под ухом.

Когда-то мне казалось, что я знаю каждую черточку этого лица.

Теперь передо мной сидел совершенно незнакомый мужчина.

— Подожди, — сказала я. — Ты говоришь, что у тебя отношения с Полиной Светловой?

— Да.

— С той Полиной, которая работала по твоему делу?

— Да, Лена.

— Которой я звонила по ночам, когда нужно было срочно согласовать очередную публикацию?

Он сжал губы.

— Это не имеет отношения к ее работе.

Я тихо рассмеялась.

Не потому, что было смешно.

Просто эта фраза прозвучала настолько нелепо, что другой реакции я не нашла.

— Не имеет отношения?

— Я не это хотел сказать.

— Ты познакомился с ней из-за своего дела.

— Да.

— Из-за дела, которым занималась я.

Константин отвел взгляд.

— Лена, не надо превращать это в перечисление заслуг.

Я почувствовала резкий укол обиды.

— Я ничего не перечисляю. Я пытаюсь понять, что ты мне говоришь.

Он помолчал.

— Я влюбился в нее.

Эти слова оказались страшнее предыдущих.

Я могла представить, что он увлекся другой женщиной после освобождения. Что за два дня свободы растерялся, захотел праздника, совершил глупость.

Но влюбился?

Это означало, что чувства появились раньше.

Пока я ждала.

Пока считала дни до очередного свидания.

Пока рассказывала ему, как мы будем жить после оправдания.

— Когда? — спросила я.

Константин тяжело вздохнул.

— Что когда?

— Когда ты в нее влюбился?

— Я не могу назвать точную дату.

— Попробуй хотя бы месяц.

— Лена…

— Весной? Летом? До последнего заседания?

Он медленно провел пальцами по краю чашки.

— Это началось еще до освобождения.

Я почувствовала, что мерзну.

Хотя на кухне было тепло.

— Ты встречался с ней?

— Не так, как ты сейчас думаешь.

— А как я думаю?

— Мы общались. Переписывались. Она участвовала в подготовке дела, приезжала на встречи с адвокатами. Постепенно между нами возникла близость.

Я смотрела на него, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Какая близость?

Он поморщился.

— Эмоциональная.

Я никогда не слышала, чтобы мой муж употреблял это выражение.

Константин мог назвать симпатию симпатией, любовь любовью, измену изменой. Он не любил длинных объяснений и всегда раздражался, когда собеседник пытался спрятать простой смысл за красивой формулировкой.

А сейчас говорил об эмоциональной близости.

Наверное, за пять лет он действительно изменился.

— И что было потом? — спросила я.

Он посмотрел мне в глаза.

— После освобождения наши отношения стали другими.

Я сглотнула.

— Вы спали вместе?

Константин молчал.

Мне захотелось, чтобы он сейчас рассердился, обвинил меня в нелепых подозрениях, сказал, что я сошла с ума.

Но он только опустил голову.

— Да.

Я отвела взгляд.

На подоконнике стоял горшок с небольшим лимоном, который Даша подарила мне весной. За последние недели на нем появился новый лист. Светло-зеленый, почти прозрачный.

Я смотрела на этот лист и пыталась дышать ровно.

— Когда?

— Лена, зачем тебе подробности?

— Когда, Костя?

Он сжал челюсти.

— После моего освобождения.

— В тот вечер?

Константин не ответил.

Я перевела взгляд на него.

— В тот самый вечер, когда ты сказал, что останешься в гостинице?

Он медленно кивнул.

Я почувствовала, как все внутри сжалось.

В тот вечер я разогревала ему мясо, проверяла телефон, ждала, когда он наконец приедет.

А он был с другой женщиной.

Я вспомнила сообщение Полины.

«Константин Сергеевич уже отдыхает».

Интересно, она писала его, сидя рядом с моим мужем? Он знал, что она отвечает мне? Видел, как я спрашивала, когда он сможет приехать?

Я не решилась произнести эти вопросы.

Ответы могли оказаться еще хуже.

Константин встал и прошел к окну.

Кухня была маленькая, он сразу оказался почти рядом со

мной.

— Послушай, — сказал он, — я понимаю, как это выглядит.

Я подняла голову.

— Как это выглядит?

Он закрыл глаза на мгновение.

— Я не хотел причинять тебе боль.

Я посмотрела на накрытый стол.

На мясо, которое так и осталось в тарелке.

На маленькую вазочку с печеньем, которое я купила специально к его приезду.

— Ты не хотел причинять мне боль, — повторила я.

— Да.

— Поэтому не сказал мне правду раньше?

— Я сам долго не мог разобраться в себе.

— И разобрался только после того, как тебя оправдали?

— Лена, все сложнее.

— Объясни.

Он повернулся ко мне.

— Я пять лет прожил в условиях, где за меня решали практически все. Когда вставать, когда ложиться, с кем разговаривать. Я не хочу снова оказаться в положении, когда должен оправдываться за каждое свое решение.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять услышанное.

— Ты считаешь, что я тебя контролировала?

— Я этого не говорил.

— Тогда почему ты рассказываешь мне о свободе, когда я спрашиваю об измене?

Он раздраженно провел рукой по волосам.

— Потому что ты опять требуешь от меня отчет.

— Я требую?

Я поднялась.

Стул заскрипел по линолеуму.

— Костя, ты приехал ко мне и сказал, что спал с другой женщиной. Я спрашиваю, когда это произошло. По-твоему, я не имею права знать?

— Имеешь.

— Тогда ответь нормально.

— Я же ответил.

Мы стояли друг напротив друга в тесной кухне.

Я заметила, как у него на шее дернулась жилка. Раньше это случалось, когда он пытался сдержать гнев.

Константин глубоко вдохнул.

— Прости. Я не должен был так говорить.

Я опустилась на стул.

Он остался стоять.

— Я благодарен тебе, Лена, — произнес муж. — За все, что ты сделала. Если бы не ты и адвокаты, неизвестно, чем бы это закончилось. Я прекрасно понимаю, сколько сил ты потратила.

— Правда?

— Конечно.

— Тогда почему я узнаю о другой женщине только сейчас?

Он потер подбородок.

— Потому что не хотел лишать тебя надежды до того, как сам во всем разберусь.

Я посмотрела на него.

— Какой надежды?

— Что мы сможем вернуться к прежним отношениям.

— Но ты уже любил другую.

Он отвел глаза.

— Я не был уверен.

Мне стало трудно говорить.

В последние месяцы перед оправданием Константин действительно изменился. Я замечала, что он реже спрашивает о доме, неохотно обсуждает планы, иногда просит перенести свидание.

Я объясняла это усталостью.

Однажды он сказал, что ему тяжело каждый раз видеть, как я уезжаю. Я тогда расплакалась в автобусе и решила приезжать реже, если ему так будет легче.

А теперь узнавала, что в это время рядом с ним уже существовала другая женщина.

Я попыталась вспомнить нашу последнюю встречу перед судом.

Константин тогда выглядел измученным. Я принесла до-

кументы, рассказала о новой экспертизе, сообщила, что Ирина почти закончила подготовку.

Он слушал рассеянно.

В конце я взяла его за руку и сказала:

«Костя, потерпи еще немного. Скоро все закончится, и мы будем вместе».

Он не ответил.

Я решила, что боится надеяться.

Теперь это молчание приобрело другой смысл.

— Ты помнишь нашу последнюю встречу? — спросила я.

Константин нахмурился.

— Какую именно?

— Перед заседанием. Я тогда говорила, что нашла квартиру поближе к Даше. Хотела посмотреть варианты после твоего освобождения.

— Помню в общих чертах.

— Ты уже тогда знал о своих чувствах к Полине?

Он не ответил.

Мне этого оказалось достаточно.

Я встала и подошла к раковине.

Открыла воду.

Подставила под струю руки, хотя они были чистыми.

Вода оказалась слишком холодной.

— Лена, давай спокойно.

Я закрыла кран.

— Я спокойна.

— Ты вся дрожишь.

Я посмотрела на свои пальцы.

Они действительно дрожали.

— Тогда не смотри.

Константин замолчал.

Из прихожей донесся короткий сигнал телефона.

Я машинально оглянулась.

— У тебя звонят.

— Пусть звонят.

— Возьми. Вдруг что-то важное.

Он не пошевелился.

Сигнал повторился.

Потом еще раз.

Константин вышел в прихожую за телефоном. Вернувшись на кухню, посмотрел на экран и сбросил вызов.

Я увидела только женское имя.

Полина.

Никаких пояснений не требовалось.

Он положил аппарат на стол экраном вниз.

Раньше Константин никогда так не делал.

У нас не было привычки проверять телефоны друг друга. Я могла взять его аппарат, чтобы посмотреть фотографию или позвонить дочери, если мой разрядился. Он точно так же пользовался моим.

Теперь телефон лежал между нами, как вещь, к которой

мне запрещено прикасаться.

— Она знает, что ты у меня? — спросила я.

— Да.

— Знает, зачем приехал?

Константин кивнул.

Я почувствовала, что губы начинают неметь.

— Вы вместе решали, как ты скажешь мне об измене?

— Нет.

— Но она знала, что сегодня ты приедешь ко мне говорить о разводе?

Он вздохнул.

— Мы обсуждали ситуацию.

Я прислонилась к кухонной столешнице.

Мне стало почти физически больно от этой фразы.

Они обсуждали ситуацию.

Двое людей, которые еще недавно были для меня мужем и нанятым специалистом, обсуждали, как он будет сообщать мне о конце нашего брака.

Я представила их за столиком в гостинице.

Полина с планшетом, Константин с чашкой кофе. Возможно, она советовала ему быть мягче. Возможно, объясняла, что я могу эмоционально отреагировать и нужно заранее подготовиться.

Я не знала, как все происходило на самом деле.

Но одного того, что муж разговаривал о нашем расставании с любовницей раньше, чем со мной, оказалось достаточ-

но.

— Костя, — сказала я, — а что ты ей рассказывал обо мне?

Он нахмурился.

— В каком смысле?

— Что у тебя есть жена. Что она тебя ждет. Что собирается забрать домой после оправдания.

— Полина знает, что я женат.

— Я не об этом.

Он снова взял телефон, посмотрел на экран и положил обратно.

— Я говорил, что наши отношения давно изменились.

Я невольно рассмеялась.

— Как именно изменились?

— Лена, ну ты же сама понимаешь. Пять лет мы почти не жили вместе.

Я медленно выпрямилась.

— Потому что ты сидел в заключении.

— Я знаю.

— Не потому, что мы решили расстаться.

— Я этого не утверждаю.

— Но ей ты сказал иначе?

Константин потер лицо обеими ладонями.

— Я сказал, что не уверен, сможем ли мы после всего вернуться к нормальной жизни.

Я смотрела на него.

— А мне ты этого не говорил.

— Я боялся тебя ранить.

— Ты уже это сказал.

Он сжал губы.

На секунду мне показалось, что муж собирается подойти, обнять меня, попросить прощения. Он даже сделал небольшой шаг.

Я отступила.

Не специально.

Просто сейчас не могла представить, что он снова коснется меня.

Константин остановился.

— Лен, я не прошу тебя принять все сразу.

— А что ты просишь?

Он опустил руки.

— Понять, что я стал другим человеком.

Я посмотрела на него внимательнее.

Он действительно изменился.

Но разве я осталась прежней?

Пять лет назад я жила в хорошей квартире, работала над интересными проектами, ходила с подругами в театр и планировала отпуск. Мне не приходилось выбирать между оплатой коммунальных услуг и поездкой к адвокату. Я не знала, сколько стоит независимая экспертиза подписи и как долго можно ждать ответа на официальное обращение.

За эти годы у меня появились седые волосы, которых я

раньше не замечала. Я похудела, перестала покупать себе одежду, научилась засыпать после полуночи и вставать через несколько часов.

Но я все еще была уверена, что наши изменения произошли с нами обоими.

Оказалось, Константин считал иначе.

— Я тоже стала другой, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Конечно.

— Ты даже не спросил какой.

Муж отвел глаза.

Мы вернулись за стол.

Я не знаю, зачем.

Наверное, просто потому, что в маленькой квартире больше негде было сидеть напротив друг друга, не оказываясь слишком близко.

Константин взял остывший чай.

Я заметила, что его рука немного дрожит.

И тут во мне шевельнулась старая, почти болезненная привычка: позаботиться о нем.

Предложить горячий чай. Спросить, не нужно ли лекарство. Разрешить отдохнуть, отложить трудный разговор до завтра.

Я даже потянулась к чайнику.

Потом остановилась.

Муж внимательно посмотрел на меня.

— Лен, я хотел сделать все по-человечески.

— Что именно?

— Не скрывать. Не начинать отношения с ложью.

Я медленно поставила чайник обратно.

— Костя, ты уже начал их с ложью.

— Я имею в виду наши отношения. Тебя и меня.

— А я о каких говорю?

Он замолчал.

Я посмотрела на тарелки.

На столе осталось два прибора.

Я достала их утром, радуясь тому, что больше не придется ужинать одной.

Теперь один из приборов выглядел лишним.

— Ты любишь ее? — спросила я.

— Да.

Он ответил сразу.

Без паузы.

Без привычных объяснений.

Мне стало больнее, чем от всех предыдущих слов.

— Сильно?

Константин нахмурился.

— Лена, зачем ты себя мучаешь?

— Я хочу знать, с кем прожила двадцать четыре года.

Он отвел взгляд.

— Это несправедливо.

— Что именно?

— Ты говоришь так, будто все наши годы ничего не значили.

Я наклонилась вперед.

— Они значили для меня очень много.

— Для меня тоже.

— Тогда почему ты не приехал домой после оправдания?

Он тяжело вздохнул.

— Потому что не хотел давать тебе ложную надежду.

Я смотрела на него и пыталась понять, слышит ли он себя.

— А до оправдания давал?

Константин промолчал.

— Когда я говорила, что мы снова будем вместе, ты не возражал. Когда я рассказывала, куда поедем, что сделаем с квартирой, как будем жить, ты молчал. Иногда даже соглашался.

— Я не хотел добивать тебя еще и этим.

— Но ты позволял мне ждать.

Он поднял голову.

— А что я должен был сделать? Сказать тебе, чтобы ты перестала заниматься моим делом?

Я не сразу нашла ответ.

Он продолжил, уже увереннее:

— Лена, я был невиновен. Мне нужно было добиться оправдания независимо от того, что происходило между нами.

— Конечно.

— Так почему ты говоришь, будто я использовал тебя?

Я несколько секунд молчала.

Мне было трудно отделить одно от другого.

Я действительно боролась за невиновного человека. Даже если бы мы развелись раньше, несправедливый приговор не стал бы справедливым.

Но я боролась не только за его доброе имя.

Я боролась за своего мужа, за Дашиного отца, за будущее семьи, за возможность снова жить вместе.

А Константин знал, что этого будущего может не быть.

— Ты имел право на оправдание, — сказала я. — И имел право перестать меня любить. Но ты мог хотя бы сказать мне правду.

Он долго смотрел на меня.

Потом произнес:

— Возможно, я поступил неправильно.

Возможно.

Это слово почему-то окончательно лишило меня способности продолжать разговор.

Я встала из-за стола.

— Мне нужно немного побыть одной.

Константин тоже поднялся.

— Лена, подожди.

— Пожалуйста.

Он остановился.

Я вышла в комнату и закрыла дверь.

На кровати лежал новый комплект постельного белья.

Светлый, с тонкой вышивкой по краю пододеяльника. Я купила его еще летом, когда стало ясно, что пересмотр дела идет в нашу пользу. Тогда денег почти не оставалось, но мне захотелось приготовить для возвращения мужа хоть что-нибудь новое.

Я села на край кровати.

Провела пальцами по ткани.

В комнате было тихо.

Из кухни доносились шаги Константина.

Он открыл кран, затем закрыл. Звякнула чашка.

Я представила, как он стоит возле раковины, не зная, куда ее поставить.

Раньше муж всегда ругался, когда я складывала посуду в сушилку не так, как ему нравилось. У него были собственные представления о порядке, иногда доводившие меня до смеха.

Я хотела вспомнить что-нибудь еще.

Но вместо этого подумала о Полине.

О ее светлом пальто, аккуратной прическе, спокойном голосе.

Я знала, что ей тридцать четыре.

На тринадцать лет меньше, чем мне.

До этой минуты разница в возрасте казалась совершенно

неважной. Я никогда не боялась стареть рядом с Константином. Мы прожили слишком много лет, чтобы сравнивать себя с молодыми женщинами.

Теперь я вдруг посмотрела на свои руки.

Кожа стала суше, на костяшках появились тонкие морщины. На безымянном пальце было обручальное кольцо. Я почти не снимала его.

Я поднялась и подошла к зеркалу.

В отражении стояла женщина сорока семи лет.

Не старуха.

Не красавица с рекламного плаката.

Обычная женщина с темными волосами, в которых уже проглядывала седина, усталыми глазами и лицом, привыкшим к тревоге.

Когда-то Константин говорил, что любит мои глаза.

Утверждал, что по ним всегда понимает, сержусь я или собираюсь засмеяться.

Теперь мне хотелось спросить его, когда он перестал видеть во мне любимую женщину.

Но я боялась ответа.

В дверь тихо постучали.

— Лен?

Я обернулась.

— Да.

— Можно?

Я не ответила.

Константин подождал несколько секунд и осторожно открыл дверь.

Он остановился на пороге.

— Ты как?

Я посмотрела на него.

— А как ты думаешь?

Он опустил глаза.

— Мне жаль, что все так получилось.

Я села на кровать.

— Ты говорил ей, что любишь ее?

Константин замер.

— Кому?

— Полине.

Он медленно выдохнул.

— Да.

Я кивнула.

— А мне?

— Что тебе?

— Ты еще недавно писал мне «люблю». Помнишь?

Он ничего не сказал.

Я открыла в телефоне папку с фотографиями его писем, нашла одно из последних и протянула аппарат.

— Вот. За три месяца до оправдания.

Константин посмотрел на экран.

Там было написано:

«Лен, держись. Очень скучаю. Люблю тебя. Скоро уви-

димся».

Он долго смотрел на фотографию письма, потом тихо сказал:

— Я тогда действительно скучал.

— А любил?

Он поднял глаза.

Впервые за весь разговор я увидела, что ему нечего ответить.

Мне хотелось услышать хоть что-нибудь.

Что он запутался.

Что не понимал своих чувств.

Что пытался удержаться за наш брак.

Но Константин молчал.

Я забрала телефон.

— Понятно.

— Лена, чувства не выключаются по команде.

— Я знаю.

— Я не могу просто заставить себя снова стать прежним.

— И не прошу.

Он сделал шаг ближе.

— Я хочу, чтобы мы расстались нормально. Без войны, без взаимных обвинений.

Я посмотрела на него.

— Ты сейчас предлагаешь мне развод?

Константин медленно кивнул.

Слово прозвучало внутри меня как чужое.

Развод.

За последние пять лет я столько раз боялась потерять мужа, что почти перестала думать о других возможностях.

Его могли не оправдать.

Могли отказать в пересмотре дела.

Он мог заболеть, сломаться, потерять надежду.

Я готовилась ко многому.

Но не к тому, что после освобождения он сам решит уйти.

— Ты уже все решил? — спросила я.

— Думаю, так будет честнее.

— С кем честнее?

Он устало посмотрел на меня.

— С нами обоими.

Я покачала головой.

— Не говори за меня.

Константин опустился на стул возле письменного стола.

Его колени почти упирались в кровать. Он выглядел неуклюже в маленькой комнате, среди моих рабочих папок, коробок и дешевой мебели.

И вдруг сказал:

— Я не смогу здесь жить.

Я посмотрела на него.

— Я уже поняла.

— Дело не только в наших отношениях. После всего, что произошло, мне нужно восстановить нормальную жизнь. Я привык к определенным условиям.

Сначала я не поняла, что именно он пытается объяснить.

Потом посмотрела на шкаф, старый письменный стол, узкую кровать.

— Ты про квартиру?

— И про нее тоже.

Я тихо спросила:

— Ты знаешь, почему я здесь живу?

Константин нахмурился.

— Конечно. Ты продала прежнее жилье.

— Квартиру моей матери.

— Я помню.

— Чтобы оплатить защиту.

Он резко выпрямился.

— Лена, не начинай.

Я посмотрела на него с удивлением.

— Что не начинать?

— Я все знаю. И благодарен тебе. Но не надо сейчас выставлять это так, будто я обязан до конца жизни расплачиваться за твою помощь.

Я медленно опустила руки на колени.

Внутри стало очень тихо.

— Расплачиваться?

Константин потер лоб.

— Я неудачно выразился.

— Нет. Ты сказал именно то, что хотел.

— Лена…

— Я не прошу тебя расплачиваться. Я спросила, понимаешь ли ты, почему мы больше не живем в хорошей квартире.

Он отвернулся.

Я посмотрела на его дорогие часы, которых раньше у него не было, на чистую рубашку, аккуратную стрижку, новые ботинки. Вспомнила сумку, оставленную в прихожей.

Мне вдруг стало интересно, кто покупал ему одежду после освобождения.

Не потому, что я считала себя обязанной одевать взрослого мужчину.

Просто еще позавчера я собиралась ехать с ним по магазинам. Хотела помочь выбрать все необходимое, потому что за пять лет он наверняка отвык от обычных покупок.

А оказалось, кто-то уже позаботился об этом.

Я спросила:

— Полина помогала тебе устроиться после суда?

Константин посмотрел на меня настороженно.

— Она занималась организационными вопросами.

— Гостиница, одежда, встречи?

— Частично.

— Понятно.

Он раздраженно выдохнул.

— Лена, ты сейчас начнешь спрашивать, кто купил мне носки?

Я посмотрела ему в глаза.

— Нет, Костя. Не начну.

И действительно больше ничего не спросила.

Константин ушел в гостиную.

Я слышала, как он разговаривает по телефону, стараясь говорить негромко. Несколько раз упомянул фамилии, потом сказал, что приедет позже.

Я сидела в спальне и смотрела на открытую дверь шкафа.

На одной полке лежали его старые футболки.

Я привезла их еще с прежней квартиры. Не смогла выбросить, хотя знала, что размер, возможно, уже не подойдет.

Рядом лежал свитер, который подарила ему на сорокапятилетие.

Темно-зеленый, с высоким воротом.

Константин тогда пожаловался, что я купила вещь слишком теплую для нашей зимы. Но потом носил почти каждый день.

Я достала свитер.

Поднесла к лицу.

Он пах чистой шерстью и средством от моли.

Никакого запаха мужа не осталось.

Я аккуратно сложила его обратно.

Через несколько минут Константин появился в дверях.

— Лен, мне пора.

Я подняла голову.

— Уже?

— Да. Есть еще одна встреча.

Я посмотрела на часы.

Он пробыл у меня меньше трех часов.

Пять лет я ждала, когда мы сможем провести вместе хотя бы один обычный вечер.

А теперь муж торопился уйти.

— Хорошо, — сказала я.

Константин подошел ближе.

— Я понимаю, что тебе сейчас тяжело.

Я встала.

— Ты понимаешь?

Он не стал отвечать.

Мы прошли в прихожую.

Константин надел пальто. Взял сумку.

Потом посмотрел на меня.

— Лена, я хотел бы попросить тебя об одной вещи.

Я почти улыбнулась.

Конечно.

Даже сейчас у него оставались просьбы ко мне.

— Какой?

Он помедлил.

— Давай пока не будем говорить Даше о наших отношениях.

Я не сразу поняла.

— О чем именно?

— О Полине. О разводе. Пусть немного пройдет время.

Я смотрела на мужа.

— Даша уже взрослая.

— Именно поэтому ей будет трудно это принять.

— А сейчас она что принимает, по-твоему? Ты два дня не приезжал домой, не встретился с ней нормально.

Константин нахмурился.

— Я с ней разговаривал.

— По телефону.

— Лена, не надо делать из этого проблему.

Я скрестила руки на груди.

— Она ждала тебя пять лет.

Он резко поднял голову.

— Я знаю, сколько она ждала.

— Тогда почему ты думаешь, что ей можно просто ничего не объяснять?

Константин отвел взгляд.

— Я сам поговорю с дочерью. Когда буду готов.

Меня задели эти слова.

Когда буду готов.

Я слышала их слишком часто за последние годы. Когда он будет готов обсуждать очередную жалобу, когда сможет поговорить о будущем, когда захочет увидеться.

Теперь он хотел решать еще и то, когда дочери позволено узнать правду о семье.

— Я не собираюсь устраивать ей подробный отчет о твоей личной жизни, — сказала я. — Но врать не буду.

Константин посмотрел на меня.

— Я и не прошу врать.

— Тогда что ты просишь?

Он сжал ручку сумки.

— Просто не надо сейчас ничего рассказывать.

Я помолчала.

— Ты хочешь, чтобы она думала, будто мы по-прежнему вместе?

Он не ответил.

Я медленно кивнула.

— Понятно.

Константин выдохнул.

— Лена, я понимаю, что поступил плохо. Но не нужно превращать это в семейный скандал.

Я смотрела на него и вдруг почувствовала странное спокойствие.

Боль не прошла. Просто стало ясно, что продолжать разговор бессмысленно.

— Я ничего не собираюсь превращать, Костя.

Он слегка расслабился.

— Спасибо.

Я почти рассмеялась.

Он благодарил меня за то, что я не собиралась устраивать скандал из-за его измены.

Как будто это была еще одна услуга, которую я должна оказать ему после пяти лет ожидания.

Константин потянулся ко мне.

Я отступила.

Он остановился.

— Лен…

— Не надо.

Он опустил руки.

Несколько секунд мы стояли в тесной прихожей друг напротив друга.

Потом муж открыл дверь.

На площадке пахло чужим обедом и свежей краской.

Константин взялся за ручку.

— Я позвоню, — сказал он.

Я ничего не ответила.

Он вышел.

Дверь закрылась негромко, почти осторожно.

Я осталась стоять возле нее.

На крючке висел прозрачный чехол от его пальто.

Тот самый, который я привезла к суду.

Я сняла его, сложила вчетверо и убрала на верхнюю полку.

Через некоторое время я вернулась на кухню.

На столе остались две чашки.

В одной недопитый чай Константина, в другой мой, давно остывший.

Муж почти не притронулся к еде.

Я взяла его тарелку, накрыла пленкой и поставила в холодильник.

Потом остановилась.

Зачем?

Он не собирался возвращаться.

Я снова достала тарелку.

Постояла с ней возле раковины, не понимая, что делать.

В конце концов выложила мясо в контейнер.

Ужин можно было заморозить.

Меня раздражала собственная практичность.

Муж только что сказал, что любит другую женщину, а я думала, как сохранить продукты.

Но именно этим я занималась последние пять лет.

Считала, сохраняла, откладывала, находила применение каждой вещи. Не позволяла себе расточительности даже тогда, когда хотелось разбить всю посуду.

Я вымыла тарелки.

Вытерла стол.

Сняла с плиты кастрюлю.

Потом села и наконец позволила себе заплакать.

Слезы текли медленно, без рыданий. Я вытирала их краем кухонного полотенца, пока оно не стало влажным.

Мне хотелось вспомнить, как все начиналось.

Когда-то Константин приехал знакомиться с моими родителями на старой служебной машине. Он был молодым майором, серьезным и немного смешным в своих попытках произвести хорошее впечатление.

Мама приготовила пирог с капустой.

Отец устроил ему настоящий допрос: где служит, какие планы, собирается ли переводиться, понимает ли, что у Лены собственная профессия.

Константин отвечал честно.

Сказал, что хочет жениться на мне, что знает о моей работе и не собирается мешать ей.

Позднее мы сидели вдвоем на кухне, пока родители смотрели телевизор.

Я спросила его, не испугался ли он отца.

Константин рассмеялся.

— Ленка, да твой отец страшнее всего моего командования.

Потом взял меня за руку.

— Но я выдержу. Ты только замуж выходи.

Я вышла.

Мы прожили вместе почти двадцать четыре года.

Были ссоры, переезды, обиды, усталость. Иногда я злилась на его работу. Иногда он раздражался из-за того, что я слишком много времени уделяла очередному проекту.

Но я никогда не сомневалась, что мы семья.

Даже после ареста.

Даже когда остались одни долги и бесконечные судебные заседания.

Я была уверена, что если мы выдержим самое тяжелое, дальше будет проще.

Оказалось, самое тяжелое началось после его освобожде-

ния.

В половине четвертого позвонила Даша.

Я посмотрела на экран и долго не решалась ответить.

Потом провела пальцем по зеленой кнопке.

— Да, солнышко.

— Мам, ну как? Папа приехал?

Я попыталась говорить обычным голосом.

— Приехал.

— Вы разговариваете?

— Уже поговорили.

— А где он?

Я посмотрела на пустую кухню.

— Уехал.

Даша молчала несколько секунд.

— Как уехал?

— У него дела.

— Мам, что происходит?

Я закрыла глаза.

Мне хотелось соврать.

Сказать, что все хорошо, что папа устал, что завтра мы обязательно встретимся втроем.

Еще вчера я сделала бы это не задумываясь.

Но теперь слова застревали в горле.

— Даша, давай поговорим вечером.

— Ты плачешь?

Я коснулась щеки.

Она была влажной.

— Нет.

— Мам.

Я не ответила.

— Я сейчас приеду.

— Не надо, солнышко.

— Почему?

— Просто… Мне нужно немного времени.

Дочь глубоко вдохнула.

— Он что-то тебе сказал?

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Да.

— Плохое?

Я сжала телефон.

— Очень.

Даша помолчала.

Потом произнесла уже другим голосом:

— Мам, я приеду. Не надо меня отговаривать.

Связь оборвалась.

Я осталась сидеть у стола.

Константин просил ничего ей не говорить.

Я не хотела нарушать обещание, которого не давала.

Не хотела превращать дочь в свидетеля нашей семейной катастрофы.

Но теперь понимала, что одна не справлюсь.

За пять лет я привыкла быть сильной перед Дашей. Не плакала при ней после плохих новостей, старалась не жаловаться на деньги, не рассказывала, как сильно устаю.

Мне хотелось, чтобы у дочери оставалась хотя бы одна уверенность: мама знает, что делать.

Сегодня я не знала.

Даша приехала через сорок минут.

Я успела умыться, убрать со стола и переодеться.

Когда открыла дверь, дочь даже не стала разуваться сразу.

Она посмотрела на мое лицо.

— Что случилось?

— Проходи.

— Мам.

— Даша, пожалуйста.

Она сняла куртку, повесила на крючок и прошла за мной на кухню.

Увидела две чашки на столе и контейнер с мясом, который я так и не убрала в морозилку.

— Вы поссорились?

Я села.

— Да.

— Из-за чего?

Я посмотрела на нее.

Взрослая девушка с отцовскими глазами и моими скулами. Когда-то маленькая Даша забиралась к Константину на

колени и требовала рассказывать сказки про военных драконов. Он ужасно сочинял сказки, путался в событиях и каждый раз забывал, как звали главного героя.

Дочь всегда поправляла его.

Теперь ей предстояло узнать, что человек, которого она ждала пять лет, оказался способен на поступок, которого мы обе от него не ожидали.

— Даш, папа сказал, что хочет развестись.

Она застыла.

— Что?

— Он больше не хочет жить со мной.

Дочь медленно опустилась на стул.

— Подожди. Почему?

Я не ответила сразу.

Даша посмотрела на меня внимательнее.

— У него кто-то есть?

У меня перехватило дыхание.

— Да.

Она закрыла лицо ладонями.

Некоторое время мы молчали.

Потом дочь опустила руки.

— Это та женщина?

Я посмотрела на нее.

— Какая?

— Полина. Я видела фотографии. И в новостях после суда они постоянно были вместе.

Я кивнула.

Даша отодвинулась от стола.

— Не может быть.

Я молчала.

— Мам, он же только вышел.

— Знаю.

— Когда он успел?

Я провела ладонью по лицу.

— Они познакомились раньше. Когда она работала по его делу.

Даша побледнела.

— То есть пока он сидел?

— Да.

— Но как…

Она замолчала.

Я не стала рассказывать подробности. Не хотела говорить дочери о гостинице и о том, что муж провел первую ночь на свободе с другой женщиной.

Эти знания не помогли бы ей.

Даша долго смотрела на стол.

Потом спросила:

— Он сам тебе сказал?

— Да.

— И что теперь?

— Хочет развод.

Дочь резко поднялась.

— Я ему позвоню.

— Даш, не надо.

— Почему?

— Потому что это наш разговор.

— Мам, он мой отец.

— Я знаю.

— Он пять лет обещал, что вернется. Я ждала его. Ты ждала. А теперь он просто уходит к какой-то женщине?

Я взяла дочь за руку.

— Не надо сейчас.

Она попыталась высвободиться, но потом села рядом.

— Ты ведь все для него сделала.

Я опустила глаза.

— Я сделала то, что считала правильным.

— Ты продала бабушкину квартиру!

— Даша…

— Нет, мам. Ты продала квартиру, отказалась от работы, занимала деньги. Помнишь, как мы зимой считали, хватит ли до следующей оплаты адвокатов?

Я помнила.

Тогда Дарья предложила продать свой ноутбук. Я запретила ей даже думать об этом, потому что ноутбук был необходим для работы.

Она все равно пыталась найти покупателя.

— Помню, — сказала я.

Даша сжала губы.

— И после всего этого он решил уйти?

Я не знала, что ответить.

Дочь медленно выдохнула.

— Я ненавижу ее.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что дело не только в ней.

Даша посмотрела на меня.

Я продолжила:

— Полина не обещала мне верности. Твой отец обещал.

Она отвернулась.

Впервые за весь день я почувствовала, что могу говорить об этом без слез.

Возможно, потому, что рядом сидела дочь.

А возможно, потому, что сама наконец услышала произнесенные слова.

Константин обещал мне верность.

И нарушил обещание.

Мы долго сидели на кухне.

Даша почти не разговаривала. Иногда задавала вопросы, на которые я могла ответить. Иногда просто смотрела в окно.

Я заварила свежий чай.

Она выпила половину чашки и вдруг спросила:

— Ты его простишь?

Я медленно повернулась к ней.

— Не знаю.

Дочь нахмурилась.

— Мам…

— Я правда не знаю, Даш. Сегодня он только сказал мне об этом. Я еще ничего не понимаю.

Она опустила глаза.

— Я не хочу, чтобы вы разводились.

Мне стало больно от ее признания.

— Я тоже не хотела.

— Может, он просто запутался? После всего, что с ним произошло…

Я посмотрела на дочь.

Вот оно.

То самое объяснение, которое я сама искала весь день.

Константин пережил страшные годы. Потерял положение, здоровье, привычную жизнь. Возможно, действительно запутался, испугался, захотел почувствовать себя другим человеком.

Но разве это означало, что я должна была терпеть измену?

Я не знала.

И не стала делать вид, будто ответ уже найден.

— Возможно, — сказала я. — Но он ясно сказал, что любит Полину.

Даша сжала чашку обеими руками.

— Я не хочу ее видеть.

— И не обязана.

— А с папой?

Я взяла ее за руку.

— Это ты решишь сама.

Дочь посмотрела на меня с таким удивлением, будто ожидала другого ответа.

— Ты не будешь против, если я продолжу с ним общаться?

Я покачала головой.

— Он твой отец.

— Но он тебя предал.

Я долго молчала.

Потом ответила:

— То, что произошло между нами, не отменяет всего, что было между вами.

Даша опустила голову мне на плечо.

Мы сидели так, пока за окном не начали зажигаться фонари.

Когда дочь уехала, я снова осталась одна.

Но теперь тишина не казалась прежней.

На кухне стояли три чашки, потому что я достала дополнительную для Даши. На столе лежала забытая ею резинка для волос. В прихожей остался мокрый след от ботинка.

Я собрала посуду.

Помыла чашки.

Вытерла стол.

Потом прошла в ванную.

В стакане возле раковины стояли две зубные щетки.

Моя и новая, синяя.

Я купила ее вчера, когда еще думала, что муж будет жить здесь.

Взяла щетку.

Покрутила в пальцах.

Положила в шкафчик.

Не выбросила.

Возможно, это было глупо. Но я не могла за один день избавиться от всех вещей, приготовленных к возвращению Константина.

Да и нужно ли было?

Щетка ни в чем не виновата.

Виноват был человек, которому я ее купила.

Я выключила свет.

В спальне взяла телефон.

Константин не звонил.

В переписке все еще было его вчерашнее:

«Завтра заеду, поговорим».

Я открыла переписку и долго смотрела на эти слова.

Потом набрала:

«Даша знает. Я не смогла скрывать от нее правду».

Ответ пришел почти сразу.

«Лена, я же просил подождать».

Я прочитала его и почувствовала знакомое желание оправдаться.

Объяснить, что дочь сама приехала. Что увидела мое лицо. Что я пыталась не вмешивать ее в наши отношения.

Но остановилась.

Я ничего не нарушила.

Не давала обещания молчать.

И не должна была извиняться за то, что не смогла солгать собственной дочери.

Через минуту пришло еще одно сообщение.

«Нам нужно будет обсудить, как все оформить. Я не хочу лишних конфликтов».

Я положила телефон на тумбочку.

В комнате было прохладно.

Я легла, натянула одеяло до плеч и посмотрела на свободную половину кровати.

Еще вчера я представляла, как Константин будет спать рядом.

Думала, что сначала он станет просыпаться по привычному распорядку, вздрагивать от резких звуков, долго привыкать к домашней тишине. Я собиралась терпеливо помогать ему, сколько потребуется.

А теперь знала, что он не придет.

По крайней мере, не ко мне.

Я повернулась на бок.

На подушке остался слабый запах свежего белья.

Пять лет я считала дни до возвращения мужа.

Сегодня он впервые вошел в квартиру, где я его ждала.

И сам сказал, что больше не хочет здесь жить.

Я закрыла глаза.

Утром мне предстояло проснуться, открыть ноутбук, закончить работу и решить, как теперь платить за квартиру.

Работа и ежедневные заботы никуда не исчезли.

Но впервые за много лет мне придется строить планы, в которых для него больше не было места.

Глава 3. Условия освобождения

Письмо от адвоката моего мужа пришло в девять семнадцать утра.

Я как раз пыталась разобраться с ошибкой в смете на ремонт административного здания. Подрядчик заложил в расчет почти вдвое больше штукатурки, чем требовалось по проекту, и мне предстояло выяснить, что именно произошло: неверно посчитали площадь или решили воспользоваться невнимательностью заказчика.

Телефон коротко звякнул.

Я взглянула на экран, ожидая увидеть очередное сообщение от Даши, но отправитель был незнакомым.

«Уважаемая Елена Викторовна! В интересах Константина Сергеевича Ракитина направляю вам проект соглашения об урегулировании имущественных вопросов, связанных с прекращением брачных отношений».

Я перечитала первую строку, потом вторую.

Внизу стояла подпись: Кирилл Андреевич Давыдов, адвокат.

Вчера Константин сказал, что хочет развод.

Сегодня его представитель уже присылал документы.

Я открыла вложение.

Двенадцать страниц.

Аккуратно оформленный файл с нумерацией, ссылками

на законодательство и длинными предложениями, в которых было трудно найти живого человека.

В первом разделе указывалось, что мы с Константином состояли в браке двадцать четыре года.

Во втором перечислялись обстоятельства, требующие урегулирования.

В третьем говорилось о предполагаемой денежной выплате.

Я остановилась на сумме.

Шестьсот тысяч рублей.

Перечитала ее, проверяя, не пропустила ли ноль.

Нет.

Шестьсот тысяч.

Эту сумму Константин предлагал выплатить мне после заключения соответствующего соглашения, в сроки, которые еще предстояло уточнить.

Я медленно откинулась на спинку стула.

За пять лет я научилась воспринимать деньги иначе.

Когда мы жили в прежней квартире, шестьсот тысяч показались бы серьезной суммой. На них можно было сделать ремонт, купить мебель или отправиться в хорошее путешествие.

Теперь я знала стоимость работы экспертов, поездок к адвокатам и нескольких месяцев жизни без постоянного заработка.

Я также знала, сколько получила за квартиру матери.

И сколько из этих денег уже никогда не вернется.

Шестьсот тысяч не покрывали даже половины наших расходов на последние этапы борьбы за оправдание Константина.

Но меня задела не сама сумма.

Я не выставляла мужу счет за пять лет ожидания.

Не собиралась оценивать каждый свой приезд, каждое письмо, каждый бессонный вечер.

Меня поразило другое.

Он успел обсудить со своим представителем условия развода раньше, чем у нас состоялся хоть один нормальный разговор после освобождения.

Вчера Константин сидел на моей кухне и говорил, что запутался, изменился, не знает, как теперь жить.

А сегодня передо мной лежал подготовленный документ.

Я снова посмотрела на дату создания файла.

Тремя днями ранее.

В день его оправдания.

Уже тогда кто-то занимался нашим разводом.

Я закрыла глаза.

В памяти возникло утро возле здания суда. Черное пальто в моих руках, дождь, голос судьи, Даша, плакавшая у меня на плече.

Я вспомнила, как Константин обнял меня и прошептал: «Ну все, родная».

В тот день я думала, что у нас начинается новая жизнь.

А он уже готовился закончить прежнюю.

Я снова открыла документ.

Прочитала следующие страницы и почувствовала, как постепенно исчезает желание плакать.

На смену ему пришло профессиональное раздражение.

Я привыкла работать с договорами, проектными заданиями и технической документацией. Могла долго разбираться в сложных формулировках, если понимала, что за ними скрываются конкретные обязательства.

Теперь я смотрела на текст как человек, привыкший проверять чужие формулировки.

В четвертом разделе содержались положения о конфиденциальности.

Предполагалось, что стороны воздержатся от распространения информации о личных обстоятельствах прекращения брака, а также согласуют любые публичные комментарии, касающиеся совместной жизни.

Я прочитала этот пункт дважды.

Потом открыла второе вложение.

Оно называлось «Проект совместного заявления».

Там было всего четыре абзаца.

В первом сообщалось, что генерал-майор Ракитин и его супруга приняли решение о расторжении брака по взаимному согласию.

Во втором утверждалось, что фактические супружеские отношения прекратились задолго до оправдательного приго-

вора.

В третьем говорилось о взаимном уважении.

В четвертом содержалась просьба к представителям средств массовой информации не вмешиваться в частную жизнь семьи.

Я дошла до конца страницы и вернулась ко второму абзацу.

«Фактические супружеские отношения прекратились задолго до вынесения оправдательного приговора».

Отложила телефон.

Посмотрела на раскрытый ноутбук, где по-прежнему светилась таблица со штукатуркой.

Мне вдруг захотелось рассмеяться.

Я пять лет ездила к мужу, писала ему письма, передавала вещи и деньги, разговаривала с адвокатами, продавала имущество, чтобы продолжать борьбу.

А теперь должна была подтвердить, что нашего брака давно не существовало.

Я взяла ручку и записала на обороте старого счета дату письма, имя отправителя и названия приложенных документов.

Потом открыла ежедневник.

Нашла номер Ирины Вавиловой.

Она ответила после третьего гудка.

— Лена, доброе утро.

— Ирина, здравствуйте. У вас есть десять минут?

— Для вас найду. Что случилось?

Я посмотрела на экран ноутбука.

— Мне прислали документы о разводе.

Ирина не стала задавать лишних вопросов.

— Кто прислал?

— Давыдов. Кирилл Андреевич. Представляется адвокатом Константина.

— Фамилия знакомая. Он занимается гражданскими и семейными вопросами. Что предлагают?

— Деньги, соглашение о конфиденциальности и совместное заявление. В котором написано, что мы с Костей давно перестали быть супругами.

На другом конце провода несколько секунд было тихо.

— Вы что-нибудь подписали?

— Нет.

— Хорошо. Ничего пока не отвечайте по существу. Перешлите мне письмо целиком, вместе с вложениями.

Я открыла почту.

— Сейчас.

Ирина подождала, пока документы отправятся.

— Можете подъехать сегодня после двух? Я освобожусь примерно к половине третьего.

— Могу.

— Тогда встретимся. И, Лена…

— Да?

— Не звоните Константину, пока мы не посмотрим бумаги.

Я невольно усмехнулась.

— Вы думаете, я собиралась?

— Я вас знаю.

Она была права.

Еще несколько минут назад мне хотелось немедленно позвонить мужу и спросить, зачем он все это устроил.

Хотелось услышать, что произошла ошибка, что адвокат неверно понял поручение. Константин не мог всерьез предложить мне подтвердить ложь о нашем браке — в это я еще пыталась верить.

Но документ лежал передо мной.

И я начинала понимать, что ошибка здесь маловероятна.

— Приеду, — сказала я.

— Хорошо. И поешьте перед встречей.

Я посмотрела на недопитый чай.

— Вы с Дашей сговорились?

— Нет. Просто у меня есть глаза и память. Я видела вас в последние месяцы.

После разговора я еще некоторое время сидела перед ноутбуком.

Потом закрыла письмо, открыла смету и продолжила проверять расчеты.

Работа давалась тяжело. Несколько раз я возвращалась к одной и той же строке, пока наконец не поняла, откуда взя-

лась ошибка.

Подрядчик дважды включил в объемы откосы нескольких окон.

Я составила замечание, приложила расчет и отправила заказчику.

Через час получила короткое «Спасибо, принято».

За эту работу мне должны были заплатить семь тысяч рублей.

Сумма была небольшой.

Но сейчас почему-то именно она казалась мне понятной.

Я сделала работу и знала, что мне за нее заплатят.

Никто не станет объяснять, что я неверно поняла условия или должна быть благодарна за саму возможность участвовать.

Я закрыла ноутбук и пошла собираться.

Ирина снимала кабинет в старом здании недалеко от центра.

Когда-то здесь располагалась контора строительного управления. Я помнила это место еще с тех времен, когда работала над проектом реставрации соседнего дома.

На первом этаже теперь находились кофейня и маленький магазин канцелярских товаров. Лестница сохранилась прежняя: широкие каменные ступени, металлические перила с деревянным поручнем, потертым там, где люди десятилетиями держались за него рукой.

Я поднялась на третий этаж.

Перед кабинетом Ирины стоял мужчина с папкой.

Он разговаривал по телефону и раздраженно повторял:

— Я вам третий раз объясняю, что документы передали. Вопрос не ко мне.

Я прошла мимо.

Секретарь адвоката, молодая девушка по имени Алина, поднялась из-за стола.

— Елена Викторовна, здравствуйте. Ирина Павловна вас ждет.

Она посмотрела на меня с участием.

— Поздравляю вас с оправданием Константина Сергеевича.

— Спасибо.

— Мы все очень рады.

Я улыбнулась.

Впервые за последние дни поздравление показалось мне чем-то странным.

Люди искренне радовались.

Они знали, сколько сил мы потратили на это дело. Помнили наши разговоры, срочные документы, бесконечные встречи.

Для них история завершилась благополучно.

Генерала оправдали.

Жена дождалась.

Справедливость восторжествовала.

Я прошла в кабинет.

Ирина сидела за столом с распечатанными документами.

На ней был темно-синий жакет. Рядом стояла чашка кофе, на поверхности которого уже образовалась тонкая пленка.

— Проходите, Лена.

Я сняла пальто.

Ирина посмотрела на меня внимательнее.

— Плохо спали?

— Видимо, это заметно.

— Садитесь.

Она подвинула ко мне стакан воды.

Я села напротив.

На столе лежал проект соглашения, присланный Давыдовым. Некоторые места были отмечены карандашом.

— Начнем с простого, — сказала Ирина. — Вы согласны разводиться?

Вопрос застал меня врасплох.

Я ожидала обсуждения денег, формулировок, юридических последствий.

Но не этого.

— Константин сказал, что любит другую женщину.

— Я спрашиваю не о нем.

Я посмотрела на Ирину.

Она не торопила.

За годы нашего знакомства я привыкла, что Ирина редко задает вопросы просто ради разговора. Если она о чем-то

спрашивала, ей действительно требовался ответ.

— Не знаю, — призналась я. — Еще неделю назад я даже не представляла, что мы можем развестись.

— Это понятно. Но сейчас?

Я опустила глаза.

— Он не хочет жить со мной.

— Это его решение. А ваше?

Мне стало неловко.

Как будто я пришла на экзамен и не смогла ответить на самый простой вопрос.

— Ирина, я двадцать четыре года была его женой.

— Знаю.

— Пять лет ждала.

— Знаю и это.

— Я не умею так быстро решить, что больше его не люблю.

Адвокат кивнула.

— И не обязаны. Но юридический вопрос не тождественен вопросу о чувствах. Можно продолжать любить человека и при этом понимать, что брак в нынешнем виде вам не подходит.

Я посмотрела на нее.

— Вы советуете разводиться?

— Я не принимаю такие решения за клиентов. Тем более за друзей.

Последнее слово она произнесла негромко.

Я почувствовала, что к горлу подступает ком.

Ирина редко говорила о дружбе.

Все эти годы мы общались преимущественно по делу. Иногда она заставляла меня поесть, иногда подвозила домой после заседаний, но никогда не позволяла себе излишней фамильярности.

Теперь я вдруг поняла, что она действительно стала близким человеком.

— Тогда давайте пока разберемся с бумагами, — сказала я.

Ирина повернула к себе первую страницу.

— Это разумно. Сразу уточню: я работала по уголовному делу Константина Сергеевича. Сейчас ваши интересы и его интересы могут противоречить друг другу. Поэтому вести ваш семейный спор лично я не стану. Посоветую независимого адвоката, который занимается такими вопросами.

— Вы можете хотя бы объяснить, что мне прислали?

— Конечно. Общие вещи объясню сейчас. А дальше все должен оценить специалист, представляющий именно вас.

Она взяла карандаш.

— Начнем с того, что это проект. Не судебное решение и не документ, который вы обязаны подписывать. Здесь изложены условия, предлагаемые другой стороной.

Я кивнула.

— Шестьсот тысяч.

— Да. Но обратите внимание на сроки.

Она показала мне соответствующий пункт.

— Выплата предполагается после заключения соглашения, причем конкретная дата еще не определена. Так оставлять нельзя. Любое обязательство должно быть сформулировано достаточно ясно, чтобы его можно было исполнить и, при необходимости, защитить.

— А он вообще обязан мне что-то выплачивать?

Ирина отложила карандаш.

— Это зависит от обстоятельств. У вас было личное имущество, совместно нажитое имущество, определенные расходы. Нужно восстановить финансовую картину. Каким образом проходили платежи, из каких средств, какие договоры заключались и кто по ним являлся заказчиком.

— Я платила за адвокатов.

— Помню.

— И за экспертизы.

— Да.

— И за информационное сопровождение. У меня все квитанции сохранились.

Ирина внимательно посмотрела на меня.

— Вот с этого и начнем. Но, Лена, важно понимать: то, что жена оплачивала защиту мужа, само по себе не означает, что после развода он автоматически должен вернуть ей всю сумму. Здесь нельзя обещать невозможного.

Я опустила глаза.

— Я не хочу выставлять ему счет.

— А я и не предлагаю. Я хочу, чтобы вы понимали свое положение до того, как откажетесь от возможных требований.

Она говорила спокойно, без нажима.

Я взяла стакан воды.

— Квартира матери была моей. Она досталась мне по наследству.

— Да. Наследственное имущество обычно относится к личному имуществу супруга. Но деньги от его продажи, дальнейшее использование этих средств и наличие общих обязательств потребуют отдельного анализа. Нельзя делать выводы только по вашим воспоминаниям.

— Документы есть.

— Прекрасно. Соберите их.

Ирина перелистнула несколько страниц.

— Теперь о конфиденциальности.

Я напряглась.

— Они хотят запретить мне рассказывать о разводе?

— Здесь предложена довольно широкая формулировка. Она может затрагивать и сведения, которые вам необходимо будет сообщать юристам, и обычные разговоры с близкими. В таком виде я бы не советовала ее принимать. Но детали пусть оценит ваш будущий представитель.

— А совместное заявление?

Ирина достала второй лист.

— Вот это особенно интересно.

Она прочитала вслух фразу о фактическом прекращении супружеских отношений задолго до оправдания.

Потом положила бумагу на стол.

— Это соответствует действительности?

— Нет.

— Тогда подписывать не нужно.

Я невольно рассмеялась.

— Вы говорите так просто.

— Потому что здесь действительно все просто. Если от вас просят подтвердить факт, который вы считаете ложным, у вас нет причин соглашаться.

Я посмотрела на документ.

— Они пишут, что мы давно расстались.

— Вижу.

— А я в это время ездила к нему, писала письма, обсуждала нашу будущую жизнь.

Ирина молчала.

— Он знал, что я жду его.

— Лена…

— Вы ведь тоже знали. Я каждый раз спрашивала, когда мы сможем вернуться домой. Строила планы. Мы с Дашей даже смотрели квартиры.

Адвокат сняла очки.

— Знала.

— И он знал.

Она кивнула.

Я посмотрела на свои руки.

— Тогда зачем теперь писать, что мы давно расстались?

Ирина некоторое время молчала.

— Я могу предположить, зачем это удобно с точки зрения публичной истории. Но не стану приписывать Константину мотивы, которых он сам мне не объяснял.

Я слабо улыбнулась.

— Вы даже сейчас его защищаете?

— Сейчас я стараюсь не утверждать того, чего не знаю.

Именно за это я когда-то начала ей доверять.

Ирина не обещала нам оправдания, когда другие говорили, что дело почти безнадежно. Не рассказывала о чудесных способах отменить приговор. Не предлагала решить проблему через знакомых.

Она просто работала.

И заставляла меня смотреть на факты.

— Что мне теперь делать? — спросила я.

— Пока ничего не подписывать. Собрать документы. Получить независимую консультацию. И не обсуждать финансовые условия по телефону в состоянии, когда вы плохо спите и почти не едите.

Я опустила глаза.

— Это заметно настолько?

— Лена, вы за неделю, кажется, стали меньше весить.

— Не преувеличивайте.

— Хорошо. За последние три дня.

Я неожиданно улыбнулась.

Ирина тоже чуть улыбнулась, затем открыла ежедневник.

— Я дам вам номер Натальи Сергеевны Беловой. Она занимается семейными спорами. Предупрежу, что вы можете позвонить.

Я достала телефон и записала контакт.

— Спасибо.

— И еще одно.

Я подняла голову.

— Не позволяйте чужой спешке стать вашей.

Я посмотрела на документы.

Константин хотел быстро освободиться от брака.

Его представитель уже подготовил бумаги.

Полина составляла расписание интервью.

Все вокруг двигались так, будто я должна была просто поставить подпись в нужном месте и освободить дорогу.

Ирина аккуратно сложила листы.

— Вы пять лет принимали решения в чрезвычайных обстоятельствах. Сегодня никто не заставляет вас делать это за десять минут.

Я кивнула.

Впервые за последние дни мне стало немного легче.

На улице дождь закончился.

Над крышами домов висели тяжелые облака, но между ними уже появлялись узкие полосы света.

Я вышла из здания и остановилась возле кофейни.

Покупать кофе не собиралась.

Просто увидела в окне женщину примерно моего возраста, которая сидела за маленьким столиком и спокойно читала книгу.

Перед ней стояла чашка капучино и тарелка с пирожным.

Она никуда не торопилась, не проверяла телефон, не перебирала бумаги.

Я смотрела на нее дольше, чем следовало.

Когда-то я тоже могла вот так зайти в кафе после работы. Заказать что-нибудь вкусное, почитать, посидеть полчаса перед поездкой домой.

Последние годы любые подобные остановки казались мне непозволительной тратой времени.

Я всегда спешила.

Домой, к компьютеру, на встречу, к нотариусу, на почту.

Теперь срочности больше не было.

Но привычка осталась.

Я открыла дверь кофейни.

Внутри пахло свежим хлебом и корицей.

За стойкой молодой парень протирал чашки.

— Добрый день. Что будете?

Я посмотрела на меню.

— Капучино, пожалуйста.

— Большой или маленький?

Раньше я почти всегда брала маленький: он стоил дешев-

ле.

— Большой.

— С собой?

Я оглянулась на свободный столик возле окна.

— Нет. Здесь.

Парень кивнул.

Я расплатилась, села у окна и положила телефон на стол.

Через несколько минут мне принесли кофе.

На поверхности молочной пены был нарисован небольшой лист.

Я сделала глоток.

Кофе оказался слишком горячим, обжег язык.

Поставила чашку и невольно рассмеялась над собой.

Ничего особенного не произошло.

Я просто сидела в кафе.

Но почему-то ощущала, будто совершила что-то непривычное и почти запрещенное.

Телефон зазвонил.

На экране высветилось имя Константина.

Я посмотрела на него.

Потом на чашку.

И ответила.

— Да, Костя.

— Лена, привет. Ты получила документы?

Я опустила глаза.

— Получила.

— Давыдов сказал, что отправил сегодня утром.

— Да.

— Ты посмотрела?

— Посмотрела.

— И что думаешь?

Я помолчала.

— Думаю, что ты очень торопишься.

Константин вздохнул.

— Лена, я не хочу затягивать неприятную ситуацию.

— А я не хочу подписывать то, что не соответствует действительности.

Он замолчал.

Потом спросил:

— Что именно?

— Совместное заявление. Там написано, что мы давно перестали быть супругами.

— Формулировка юридическая.

— Нет, Костя. Это утверждение о нашей жизни.

Я услышала, как он отодвинул стул.

На заднем плане кто-то разговаривал, потом дверь закрылась.

Константин, видимо, вышел в другое помещение.

— Послушай, — сказал он тише. — Нам надо как-то объяснить ситуацию.

— Кому?

— Людям.

— Каким людям?

— Журналистам, коллегам, тем, кто сейчас интересуется моей историей.

Я посмотрела на женщину с книгой.

Она перевернула страницу, взяла маленькую вилку и отрезала кусочек пирожного.

— Ты хочешь объяснить журналистам, почему после освобождения ушел от жены?

Константин раздраженно выдохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.